

ЕЛЕНА МОЙСЕЕВА
КОНТРАКТ
НА СМЕЛОСТЬ

Планета Изибнис
КНИГА 1

Елена Моисеева
Контракт на смелость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23864045

ISBN 9785448503207

Аннотация

Талантливая танцовщица Эва соглашается на последний заказ перед отпуском. Во время встречи с заказчиком Мароком Слоши шеф Эванжелины подписывает с ним контракт, и Эва должна отправиться на чужую планету. Там между ней и Мароком Слоши возникают чувства, противостоять которым ни он, ни она не могут. Но внезапно вспыхнувшая гражданская война разделяет влюбленных по обе стороны баррикад. Сумеют ли Марок и Эва вновь довериться друг другу и вернуть свое счастливое прошлое?

Содержание

Часть первая. «Счастье вопреки»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Контракт на смелость

Елена Моисеева

Дизайнер обложки Елена Моисеева

© Елена Моисеева, 2018

© Елена Моисеева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-0320-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. «Счастье вопреки»

«31 век international представляет:

Джеймс Дарин...»

Я в восхищении замерла. Джеймс Дарин был секс символом нашего 3-тысячелетия. Высокий блондин с нереально синими глазами и мускулистым телом. На мой взгляд слишком мускулистым, но так считала, наверное, только я, остальная толпа его поклонников меня бы просто удушила за такое умозаключение.

«Кори Снейп...» – продолжал вещать диктор в визоре.

Тихонько вздохнула. Ещё одна сказка про любовь, которую в жизни не встретишь.

«В фильме...»

И тут, конечно же, затрещала связь голографического проектора, и перед глазами появился мой босс.

– Эванжелина! – загремела голография на весь мой дом. Я недовольно скривилась, помахала ручкой фильму, и в который раз подумала: откуда у моих родителей взялась любовь к таким безумным именам, как у меня?

– Эва, – привычно поправила я босса. Уж если терпеть подобное имя, то только в сокращенном варианте.

– Ты еще не готова?

– К чему?

Босс, как обычно, удивился моей неспособности читать

его мысли еще до того, как они посетили его самого.

– Лариса подхватила какой-то вирус, пока на межпланетном курорте отдыхала, так что ты работаешь сегодня за нее.

Просто замечательно! Только собралась помечтать о красивой и чистой любви – и на тебе!

Проектор отключился, что означало, что босс не удосужился уточнить, а готова ли я выйти на работу? Но если посмотреть на это с другой стороны, то только полная идиотка, коей я не являлась, откажется от такой работы, да еще за такие большие деньги.

По профессии я – танцовщица разнопланового жанра, и мои услуги стоят очень дорого, и что самое главное, работу свою я люблю. Еще будучи десятилетним ребенком, я пошла в школу современного танца. Бабушка рассказывала мне, что буквально тысячу лет назад эта профессия была малооплачиваемой и, в основном, содержала в себе только танец, без актерского мастерства. Но это всё, что мне было известно о профессии моих далеких предков. Сейчас дело обстоит иначе – танцовщиц ценили и уважали, родители с малых лет отдавали своих отпрысков обучать данному искусству, втайне надеясь, что именно так они обеспечат и себе и им стабильную жизнь.

Технический прогресс не стоял на месте, и искусство живого танца, как гласили наши учебники за пятый класс, заменила графика, потом графика плавно перетекла в проекторы с голографией. И вопреки мнению о том, что живой та-

нец должен был умереть как вид в тысячелетие технического прогресса, интерес к нему возродился. Вот тогда и начали создавать школы искусств, преподающие разноплановый танец, включающий в себя актерское мастерство, несколько межпланетных языков, историю, географию, в общем, полный набор того, что должна знать танцовщица в наше время. Попадали в школу, конечно, не все: главная формула – красивое тело, хотя бы небольшие актерские способности и пластичность. Но самое главное оставалось неизменным – людей было мало и стоило подобное удовольствие недешево. Счастливики становились всемирно известными, получали баснословные деньги, почти такие же, как и сами актеры. Кстати сказать, их, актеров, тоже было немного среди людей – этакая высшая каста, которая приобретала известность не только на Земле, но и на других планетах.

Мир третьего тысячелетия был богат на открытия и разработки. Технический прогресс дал нам возможность шагнуть далеко вперед от своих предков. Машины не ездили, а летали, были открыты другие галактики и расы, благодаря разработке звездного межгалактического корабля, способного сворачивать пространство на квантовом уровне, что и позволяло перелетать из одной галактики в другую за пару суток. Также были разработаны гибриды околоорбитальных капсул с воздушными, малогабаритные, по сравнению с межгалактическим кораблем, что позволяло с перелетной станции добраться до самого дома. В общем, я жила в интересное вре-

мя. Многие из людей начали забывать, что каких-то четыре века назад всего этого не было.

Я вздохнула, вызвала машину и, взяв свой сценический костюм, выскочила за дверь своего дома. Набрал код, закрыла входную дверь и приложила руку к сканирующему устройству. Такси не заставило себя ждать, я набрала на таксовом планшете маршрут и, кликнув «оплатить», приложила свою руку к сканеру, и уже через несколько минут машина взмыла вверх.

На работу я прибыла вовремя и напрямик направилась в свой кабинет. За пять минут нанесла грим, за десять минут уложила свои черные волосы в прическу и надела платье. В этом сезоне в моде было все мистическое, а так как в век прогресса мы понятия не имели что это такое, пришлось не один день просидеть во всемирной паутине, разыскивая хоть какие-то данные о мистических существах. Информации было мало, изображения, которые мы нашли и которые датировались прошлым тысячелетием, были чудные: вампиры, оборотни, ведьмы и эльфы. Но заказчик сказал – мы обязаны следовать модному веянию, будь оно не ладно. Поэтому на сценах сейчас были сплошь эльфы, (так и не могу понять, что в них мистического, по-моему, один в один раса лоткиранцев с планеты Плотон), ведьмы, и вампиры. В этот вечер я была женщиной вамп, и программа моя состояла из плавного танца, художественного выставления клыков

и питья крови. Но так как межпланетная цензура запрещала все виды насилия, кровь я пила аккуратно из стеклянного фужера. Ну, а вместо крови, естественно, была вода с красителем, идентичным натуральному.

Босс мой образ оценил, и я плавно вышла на сцену под благоговейную тишину. Природа меня все-таки одарила не только интеллектом, но и хорошим пластичным телом – высокая, с грудью четвертого размера, тонкой талией, крупными бедрами и длинными ногами. Лицом меня родительские гены тоже наградили, не абы каким – большие глаза темно-серого цвета, небольшой аккуратный носик, полные губы, высокие скулы. В целом, я была достаточно милостивой.

Привычно отработав заготовленную программу, я ушла со сцены. Сегодня я была в ударе, настоящая вампирша. А все потому, что накрылся мой выходной медным тазом, и я реально жаждала крови. Вместо того чтобы томно вздыхать под реплики любимого актера, я верчусь на сцене под томные взгляды мужиков. Эх, сбегу на другую планету, выйду замуж и нарожаю кучу детишек! Фигура моя поплывет, и мой зануда босс от меня, наконец-то, отвяжется! Ага, а еще отвяжется и муж... Нет, сценарий явно не тот.

– Эванжелина, браво! – ворвался вихрь в кабинет в виде моего босса, – Ты не представляешь, сколько мы сегодня заработали! Если так дальше пойдет у тебя в скором времени будет персональный большой театр!

– Серж, а персонального маленького отпуска у меня не будет?

– Вот так всегда! – вздохнул Серж, – Я о прекрасном, а ты...

– Серж, я в отпуск хочу-у, – протянула я с тоской в голосе.

– Будет тебе отпуск, даже два, – на последних словах Серж осекся, но так как я молчала, продолжил, – Один, конечно, но большой.

– Когда? – выдохнула я и замерла.

– Садись, а то упадешь! – без перехода начал мой босс, с восхищением в голосе, из чего следовало, что сейчас он мне сообщит умопомрачительную новость. Понятно, значит, отпуск мой завернулся в простыню и уполз на кладбище умирать.

– Тебя заказал очень богатый и очень таинственный дядя.

– Звучит двусмысленно, – задумчиво протянула я.

– Не привязывайся к словам, – отмахнулся Серж, – Мы с тобой, дорогая Эва, выходим на межпланетный уровень.

– Это, то есть как?

– Наш заказчик – богатый промышленник с планеты Изибнис. И он платит такие деньги...

Серж продолжал болтать, а у меня от ужаса по всему телу побежали мурашки. Дело в том, что с этой планетой у нас, землян, были не совсем дружеские отношения и язык их, который я изучала в школе, преподавали как язык нашего врага. Два столетия назад изибнисцы вели войны с землянами,

в конце концов, конечно, заключили перемирие, но у землян были подозрения, что очень много пленных с нашей стороны есть даже сейчас.

– Скажи мне, Серж, где я тебе дорогу перешла? – тихо спросила я босса.

– Не надо утрировать, Эванжелина, – отмахнулся он, – Все законно, у нас с ними уже давно хорошие отношения и...

– Это скорее всего члены межпланетной террористической организации! – завопила я на весь кабинет, – Ты меня в рабство к ним решил продать?

– Эва! Я согласен, что не все изибнисцы миролюбивы, но давай ты не будешь чесать их всех под одну гребёнку! Марок Слоши – законопослушный межпланетный гражданин, у него крупная компания по добыче урана, и он сотрудничает с Землёй.

Услышав имя заказчика, я всё-таки успокоилась. Нет, наверное, у нас человека, который не знает фамилию Слоши, именно легендарный предок Марока, родоначальник так сказать, прекратил войну с землянами, подписав пакт о ненападении, ввел преподавание земной культуры на Изибнисе и всячески поощрял деловые контакты с Землей. И вот теперь его, э-м... назовем его внук, является моим клиентом. Что ж, я могу гордиться, но почему-то мне все равно страшно.

– А потом можно и в отпуск! – жизнеутверждающе заключил Серж.

– И зачем ему земная женщина? – решила я уточнить, а босс посмотрел на меня, как на умалишённую. Нет, человечеству уже не впервой встречать межрасовые браки и союзы, и я даже знаю пару случаев, когда изибнис женился на землянке. Но звучало это все равно дико. По виду мы, конечно, отличались не сильно: типичный представитель изибниса – это мускулистый, высокий, но бледный мужчина с синими волосами. Органы тела у них располагались в зеркальном отражении по отношению к нашим, они практически не болели никакими болезнями, что свидетельствовало о хорошей иммунной системе, здоровый сон им требовался только раз в пять дней. Всё остальное, вроде бы как у людей, по крайней мере, ничего такого я больше не помню.

– Эванжелина, ты что, уснула, что ли? – послышался голос босса, – Я для кого говорю?

– Для меня, – со вздохом ответила я и уставилась на Сержа.

– Вот именно. Говорю, что танец, современный танец, как искусство введен у них в общую культуру относительно недавно. Вот Марок, как представитель, прилетит сюда для того, чтобы посмотреть, что это вообще такое и с чем это едят. Но он будет не один, с ним прилетают еще четверо.

– Не нравится мне всё это.

– Да, перестань мандражировать, – опять отмахнулся от меня босс, – Если бы они были террористами, как ты изволила выразиться, то не прошли бы проверку Земной Ор-

ганизации Межпланетных Контакттов.

– Ого, – присвистнула я, наконец-таки, успокоилась, все – таки проверка ЗОМКа это серьезно. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

– И когда сие событие произойдет, а главное где? – уточнила я, настраиваясь на рабочий лад.

– Выступление будет здесь, завтра, – не моргнув и глазом изрек Серж, а я впала в ступор.

– Как завтра? А подготовка? А программа? – засуетилась я.

– Успокойся. Всё успеешь, отработаешь классическую программу, «официантку» – черное белье, черное платье. Они вообще к этому не привыкли, так что будет в самый раз.

Программа «Официантка» мне не нравилась никогда. Вся фишка заключалась в том, что я захожу в зал, где сидят мужики за огромным столом, подаю им блюда, а потом без предупреждения залезаю на стол и начинаю танцевать. Ощущение мерзкое, будто это не ты кушать им принесла, а что тебя сейчас сожрут, как главное блюдо. И никакой тебе фантазии, сценической роли, вроде той же вампирши, ничего – один сплошной танец, а конкретнее видоизмененный пасадобль – вместо партнера не оживленный предмет. В программе «Официантка» предметом был стул, возле которого я извиваюсь, будто в страстных объятьях любовника.

– Ты уверен? Не слишком откровенно? – с сомнением в голосе спросила я.

Серж закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Если бы ты не была лучшей танцовщицей моего театра, я бы с тобой тут не сюсюкался. Эванжелина, соберись! Мне от тебя нужен профессионализм, поняла? Это же другой уровень, гастроли, большие деньги...

– И прочее, прочее, – заученно повторила я, так как слышала эту фразу от Сержа не в первый раз.

Первый раз я ее услышала год назад. Приезжал к нам какой-то инопланетный зеленокожий дядя, наслышанный о земном танце. Я начала вертеться перед ним, в сценическом костюме принцессы, а он возьми и руки распусти! В общем, порвал он мне мое прекрасное платье, а я от злости ему сказала, что я его съем. Дядька побелел и ничего от его природного зеленого не осталось. Как оказалось, я нарушила какой-то там их закон, запрещающий людоедство, тьфу, не людоедство, а ...никак не запомню, как их раса называется! И моя фраза прозвучала, как угроза жизни. В общем, скандал еле удалось замять, Серж до боли в зубах объяснял ему, что я это сказала не всерьез, и ничего такого на самом деле делать не собираюсь. С тех пор связываться с инопланетянами я остерегаюсь.

– И Эва, без угроз, – строго сказал Серж, видимо припомнил ту же историю, что и я.

– Серж, может, ты меня тогда домой отпустишь, а? А девчонки вечер доработают, – с надеждой в голосе спросила я.

– Ладно, – подобрел мой шеф, – Но учти, завтра в шесть,

чтоб как штык. Начало – половина седьмого.

Я радостно кивнула, прихватила сумку и выбежала из кабинета со скоростью звука, пока шеф не передумал.

Утро встретило меня пасмурным небом и пустой банкой из-под кофе. Огорчению моему не было предела. Дело в том, что сей замечательный напиток уже лет пятьдесят запрещён на Земле. Ученые выявили в нём какой-то состав, вредный для здоровья. И поэтому еще моя бабушка начала покупать его втихую, родители – те вообще одно время занимались его контрабандой, ну, а я под покровом ночи честно его тырила у мамы. Насколько мне помнится, новую партию они ещё не завезли, а эта закончилась. От безысходности я сварила кофезаменитель, который если верить надписи на пакетике, являлся «полезным для здоровья», а на проверку оказался несусветной гадостью.

– Эванжелина! – раздался голос моего отца, а я подпрыгнула от неожиданности. Голографическая связь на этот раз не скрежетала, поэтому появление родителя явилось для меня полным сюрпризом.

– Ой, папа, привет, – весело ответила я.

– Как ты тут? – улыбнулся отец.

– Работаю, – пожалала я плечами, – Вы как? Как отпуск?

– Великолепно! Ради этого стоит целый год выслушивать моего зануду – начальника! – констатировал отец, – Жаль, что ты не можешь присоединиться к нам с мамой.

– Угу, жаль, – буркнула я. Настроение резко испортилось.

– Нет, на это стоит посмотреть! – продолжал отец, не замечая моего удрученного состояния, – Представь себе: причудливой формы деревья исполинского размера, теплый песок и красное, абсолютно алое море, после заката небо от моря не отличишь – они сливаются воедино!

– По мне – так обычный курорт, как и у нас на Земле, – пожала я плечами. Родители неделю назад укатили у меня на курортную планету в соседней галактике, и счастьем их не было предела.

– Да, ну тебя, Эва, скучная ты, – обиделся мой отец, поэтому пришлось нацепить дежурную улыбку и заверить родителя, что я просто счастлива за них обоих. Отец остался доволен и, наскоро попрощавшись, отключился. Я вздохнула и пошла в ванную. Это, конечно, не красное море, но перед трудным рабочим вечером тоже сгодиться.

Пока я валялась в ванне, мой горячо любимый шеф оставил два сообщения, с напоминанием о времени выступления. Будто я могла забыть, что сегодня буду выступать перед страшными изибнисцами. Время неумолимо несло меня к вечеру, я снова попыталась взбодриться бокальчиком кофезаменителя и снова скривилась от отвращения. Ну, что за гадость и как ее люди только пьют!?

Ровно в семнадцать сорок пять у моего дома появилось такси. Как оказалось, его вызвал шеф, вероятно боясь, что я вытворю накануне выступления чего-нибудь этакое. А я бы

и вытворила, если бы знала, что. И все-таки такая щепетильность была не в духе Сержа, из чего я сделала вывод, что он либо боится, что я облажаюсь перед таким крутым дядей, как Марок Слоши, либо действительно решил меня продать в рабство. Хм... из чего я сделала такие умозаключения, сама не могу понять, ясно одно: все мне это чертовски не нравилось, и я сама себя накручиваю.

Провозившись в своей гардеробной ровно до начала выступления, я в полном обмундировании двинулась в сторону просторного зала, где уже ожидали инопланетные гости. Выглядела я, конечно, соблазнительно, но ощущала себя неудобно. Чёрное кружевное бельё аппетитно облегало меня, словно вторая кожа, такие же чёрные ажурные чулки с замысловатым рисунком и каблук не меньше десяти сантиметров. Все это завершало платье с открытыми плечами, с широким клешем по колено. Примитив, конечно, но как говорит мой босс, гениальность в простоте. Я искренне надеялась, что он прав, иначе... А что, собственно, иначе? Ну, профукаю я в очередной раз выгодный контракт, подумаешь... Хотя, если взять и действительно подумать, второго раза Серж не переживёт, возьмёт, да и выкинет меня на улицу с плохими рекомендациями. И тогда всё, помашу я своей самой заветной мечте ручкой, ради которой и работала все эти годы. Так что отработать программу надо так, будто танцую я перед своим любимым актером Джеймсом Дарином. А уж ради него я расстараюсь.

Итак, настроенная на позитивный лад, с подносом в одной руке, я зашла в зал. Пока подходила к столу и расставляла блюда, втихую рассматривала изибнисцев. Их было четверо – мускулистые, с симметричными чертами лица, но у всех, как у одного были чёрные как ночь глаза, нос имел заостренную форму и, конечно, волосы синего цвета.

Зазвучали первые аккорды, что послужило мне сигналом к началу. Я изящно славировала на стол, в движении захватив стул и начала танец. Глаза гостей зажглись интересом. Я подумала о Джеймсе Дарине, представила, что танцую именно для него, подобные мечтания помогали мне расслабиться и двигаться в такт музыке. Прелесть танца заключалась в том, что он достаточно эротичный, завораживающий, но и не нарушающий никаких рамок приличия. И вот музыка стихает, и я замираю в изящной позе на столе, словно лежащая на королевской кровати. Минут пять честно жду аплодисментов, но ничего не происходит. Открываю глаза и вижу окаменевшие лица изибнисцев. Отработала я отлично, это я знаю, тогда что не так? Или эти варвары не приучены к манерам?

И тут, по всей видимости, самый смелый из них, протягивает ко мне свою руку и пытается меня пощупать. Я подрываюсь со стола. Да, что ж такое, как не инопланетное чудо так обязательно лапает! Но меня хватают за руки и возвращают на место.

Завизжала я некрасиво, как сирена, протяжно и громко.

Зато тут же на мой вопль ворвался Серж и еще один инопланетный дядька. Нет, Сержу одному с ними упырями ни за что не справиться. Я отчаянно думала, что же им такого ляпнуть, вдруг у них там тоже закон какой-нибудь есть, типа «нельзя кусаться» и фиг бы с этим контрактом и межпланетной известностью! В это время Серж, гаденыш, вместо того, чтобы бросаться спасать меня несчастную, уставился в немом вопросе на прибывшего с ним мужчину.

Инопланетный дядька очухался и что-то гаркнул своим, отчего они вмиг отпустили меня, и я кинулась в объятия своего босса. Пусть он хоть и гад, зато свой. Сердце от страха переместилось в район трахеи, не иначе, а я все еще продолжала с опаской смотреть на четверых изибнисцев.

– Прошу прощения, они напугали вас, – на вполне сносном всеобщем языке произнес пришедший с Сержем. Я перевела на него взгляд. Высокий, выше меня на голову, бледный как мертвец, в остальном изибнисец выглядел вполне по-человечески, а всё потому, что волосы его были почти чёрные, а цвет глаз самый что ни на есть родной, человеческий – карий. Ого, значит, у них и альбиносы есть! А вообще, если бы не данный неприятный инцидент, то я бы замерла соляным столбом, так как высокий изибнисец представлял собой мечту всех женщин – экзотическая в меру внешность, высокий рост, длинные волосы, чувственные губы, твердый волевой подбородок и тело будто вылепленное талантливым скульптором.

– Есть немного, – ответила я, стиснув зубы, так как не ответить, было бы верхом невоспитанности. Вообще, мне было плевать посчитают меня воспитанной или нет, но Серж ощутимо толкнул меня локтем, чтобы я не забывалась. Всё-таки мой босс – гад.

– Я думаю, мы сможем загладить это маленькое недоразумение, – продолжал дядя, пока те четверо молча сверлили глазами дырку в столе. Похоже, он тут главный. «Да, иди ты в ж...!» – именно это я хотела сказать зарвавшемуся мужику, но Серж понял мое состояние и еще раз толкнул меня в бок. Я сердито уставилась на главного инопланетянина и увидела насмешку в его глазах. Думаю, он понял мои мысли. Да на здоровье, чудо ты инопланетное.

Тот озвучил сумму «маленького недоразумения» и я впадала в ступор. Серж что-то пытался проговорить с раболепием, но теперь уже я ощутимо толкнула его в бок. Пусть платят, я в отпуск собираюсь и мне как раз деньги нужны, заодно нервишки подлечу.

– Марок Слоши, – без предисловий представился дядька.

– Эва Артёмьева, – машинально ответила я, а сама более пристально начала его разглядывать. Так вот ты какой легендарный внук! Точнее пра-пра-пра... но это не важно.

Слоши опять что-то шикнул своим архаровцам и те наперебой, на изибниском языке начали передо мной извиняться. Говорили они быстро, и понимала я их через раз и то потому, что учила в школе их язык прилежно. Но суть была

ясна, я удовлетворенно кивнула и те, как по команде, замолчали.

– Эва, – произнес Слоши, – Они не хотели вас обидеть. Просто они думали, что вы не закончили... как это правильно сказать, – он задумался, – Танец... да, танец. У нас очень мало данных об этом виде танца, и я боюсь, что то, о чем была осведомлена моя группа, не совсем точная информация.

Я кивнула, поняв с каким видом танца спутали пасадобль. По манере исполнения, по страстности движений он очень напоминал стрипдэнс. Судя по всему, то, что они смогли найти во всемирной паутине, предполагало раздевание, а не обычный танец.

– У вас действительно неверная информация. Данный танец не подразумевает под собой раздевание, – озвучила я.

Слоши кивнул и перевел сказанное мной своим. Те побледнели еще больше (куда больше не знаю) и снова пустились в пространственные извинения. Варвары, что с них взять! Однако меня радовал тот факт, что лапали они меня не с пошлыми мыслями. Хотя, кто их знает...

– Эва, я мог бы устроить вам отличный отпуск за счет своей компании, – деликатно предложил Слоши, – И этим сгладить вашу обиду.

Глаза Сержа при этих словах алчно загорелись, явно задумал мне отпуск испортить.

И точно:

– Эва, а может ты совместишь приятное с полезным?

– Это как? – усталилась я на Сержа недоброжелательно.

– Ну, насколько я понял, господин Слоши предлагает изысканный курорт на своей планете, – Серж мельком посмотрел на изибниса, увидел его утвердительный кивок и продолжил, – Может, ты сделаешь пару-тройку выступлений?

– Нет, Серж, жадность тебя погубит! – кажется, я сказала это вслух, потому что шеф опустил глаза в пол, а Марок Слоши уже откровенно улыбался. Кстати, улыбка у него потрясающая.

– Как ты себе это представляешь? – продолжила я, – Насколько мне известно, культура танца там только начала развиваться и вряд ли меня воспримут доброжелательно.

– У меня есть и другое предложение, – Марок внимательно посмотрел на меня и на Сержа, – Если госпожа Эва сможет научить некоторых наших женщин хотя бы азам, то местные воспримут это ... – он замялся, явно подбирая выражение, – Им понравится. К тому же, у нас есть и земные женщины.

Серж энергично закивал и, кажется, готов был целовать пол, по которому ходил господин Марок. И была бы его воля, он бы с ним вообще породнился.

– Я думаю, мы примем ваше предложение, господин Слоши, – деловито проговорил мой босс, а я аж зубами заскрипела, – Сегодня вечером жду вас для подписания контракта, мой юрист сейчас же займется его составлением.

Слоши учтиво поклонился, чуть ли не в пол, сделал знак своим изибнисам и вышел. Те на выходе проделали те же поклоны, что и их главный и молча удалились.

– Серж, а что это было?

– Они так прощаются.

– Я не про то как они кланяются говорю, – раздраженно пробормотала я, – Какой контракт? Ты меня спросил?

– Эванжелина! – принял босс строгий вид – Я пока еще твой работодатель! Не нравиться – можешь уходить на все четыре стороны!

Угу, отпустишь ты меня, как же, кто ж добровольно отпускает курицу несущую золотые яйца?!

– Серж, я в отпуск хочу, – упрямо твердила я.

– Вот отдохнёшь недельку и вперёд – покорять Изибнис!

Домой я вернулась ближе к 12 ночи, с подписанным контрактом в руках, в отвратительном настроении. Из контракта следовало, что я лечу завтра на их чертов Изибнис и работаю там три года! Три года – это ж твою душу за ногу до чертиков, как много! Мой наглый проныра шеф светился от удовольствия и предрекал мне межпланетную славу, а я в это время думала только о том, что не увижу родителей и свою родную Землю. Больше меня, конечно, ничего не держало. В свои 22 года я не обзавелась ни любовником, ни котом и даже кактуса на подоконнике у меня не было. Не с моей работой себе кого-то заводить. С десяти лет до двадцати я училась

танцам, после двадцати сразу устроилась в небольшой театр работать, где меня в последствие и увидел Серж, пригласил работать в свой театр. Работа в престижном месте заняла все мое свободное время. Так что, дожив до 22 лет, в качестве опыта я нажила только поцелуи. Да и не было это нонсенсом среди тех, кто работал профессионально и подолгу. Родители расстраивались, что не увидят внуков, но я их успокаивала – доживу до тридцати, поднакоплю денег и сразу же лишусь девственности, выйду замуж и нарожаю потомство. А пока у меня на все это нет времени и теперь его не будет вовсе.

Быстро приняв душ, я завалилась на свою гигантскую кровать и блаженно вздохнула. Вечер вышел долгим и трудным, и я мгновенно провалилась в сон.

Утром меня разбудила мама, а точнее ее голография. Серж осчастливил их новостью ранним утром и мама, урожденная Светлана Большова, поспешила меня поздравить. По всему выходило, что родители, когда услышали о моей поездке на другую планету, были просто счастливы, если бы я не знала, что они меня очень любят, подумала бы, что хотят избавиться. Это же Изибнис – в недалеком прошлом воюющая с нами планета!

– Дочь, ты только теплой одежды возьми побольше, у них сейчас там зима, – поучала меня мама.

– Мам, у них там почти всегда зима, – перебила я ее, –

Только три месяца в году относительно тепло. Помести обычного изибниса в какую-нибудь нашу пустыню и через день он помрет от обезвоживания, а может и раньше.

– Господи, как хорошо, что в свое время мы отдали тебя в престижную школу, – мама покачала головой, – Ты столько всего знаешь, что мне, как старшему поколению становится стыдно, – она помолчала немного и снова затараторила, – Эванжелина, а чем там кормят, а? Ты чего кушать все эти три года будешь?

– Буду питаться кореньями и плодами, – скорбным голосом сообщила я, и минуты три с удовольствием лицезрела выражение ужаса на ее лице. Нет, все-таки моя мать – типичная землянка.

– Да, шучу я, мам, шучу.

Честно говоря, я понятия не имею, чем питаются изибнисцы, но так как мы, как вид не сильно отличаемся, то буду надеяться, что их пища хотя бы отдаленно напоминает нашу. Но вот маме лучше оставаться в счастливом неведении, а то ее удар хватит, а так в еде я неприхотлива.

Голографический проектор замигал, и изображение мамы стало нечётким. Судя по всему, сейчас связь прервётся.

– Мам, вы когда возвращаетесь? – быстро спросила я.

– На следующей неде... – успела сказать она, как голография исчезла, проектор проскрежетал и связь отключилась.

– Однако ж, вовремя, – хмыкнула я, – Еще бы чуть-чуть и она бы меня с ума свела своими вопросами.

Но не успела я насладиться тишиной, как в дверь позвонили. Я прошла в коридор, посмотрела в экран, расположенный на двери и, вздохнув, открыла дверь. Мой босс стоял у подъезда моего дома и маялся.

– Тебе чего не спится? – недовольно пробурчала я и жестом пригласила его войти.

– Я же знаю, какая ты несобранная по утрам, – с невозможным видом ответил Серж, заходя в дом, – А нам нужно все успеть собрать и не опоздать, к трем часам Марок Слоши нас ждет у себя на корабле.

– Нас?

– Ну, да, нас. Я лечу вместе с тобой.

Я подозрительно посмотрела на шефа. Не то, что бы я была против, но он никогда и ничего не делает просто так.

– Зачем тебе это, Серж? А как же твой театр?

Босс посмотрел на меня как на несмышлёную и снисходительно произнес:

– Во-первых, театр остается на моего заместителя, во-вторых, я лечу ненадолго, на месяц, не более.

Из всего сказанного не было ответа на самый главный вопрос – зачем? Вот как он всегда умудряется уходить от прямого ответа? Бабушка мне рассказывала, что когда – то существовала нация очень хитрых и умных людей, евреев, кажется, и с тех пор, как я работаю на Сержа, меня мучает вопрос – не его ли это предки?

– Серж, зачем? – с упрямством повторила я.

– Я должен проследить, чтобы все было готово к твоим выступлениям – костюмы, грим. Кстати, гримершу нужно искать среди людей. . .

Пока он перечислял еще тысячу неправдоподобных для меня причин, я усердно думала, а что если Серж просто боится? Что если он не доверяет изибнисцам, так же, как и я? Тогда зачем мы заключили этот идиотский контракт?

– Ты даже их языка не знаешь, – прервала я поток слов шефа.

– Я его выучил ещё месяц назад, по скоростной программе, – самодовольно изрек он, наблюдая за произведенным эффектом. Подготовился, значит, гад.

– То ли ты проникся любовью к наукам, то ли ты от меня что-то скрываешь, – прошипела я ему прямо в ухо. Серж даже бровью не повёл.

– Конечно, я знал, что Марок Слоши собирается к нам на планету и, естественно, знал зачем.

Мой гнев сдулся как воздушный шарик. В принципе, ничего странного в этом нет. У Сержа один из лучших театров танца на всей планете, у него нюх на деньги и славу. Иначе бы я у него не работала, вернее сказать, никогда бы к нему в театр не попала.

– Серж, ты просто кладезь нужной информации, – сказала я и прошла в спальню собирать чемодан. Серж без всяких стеснений пошел за мной, с минуту приглядываясь ко мне, очевидно, размышляя, похвалила я его, или же сказан-

ное было с сарказмом. Ничего такого на моем лице не заметив, он улыбнулся во все тридцать два зуба и так и оставался до самого окончания сборов.

– Ну, что, готова быть первопроходцем в танцах на чужой планете? – весело спросил шеф, как только мы вышли из моего дома. И тут до меня дошло: Серж ничем не рисковал, в случае успеха я вернусь на Землю в зените славы, а он станет самым крутым продюсером. Если же мы провалимся, то об этом никто не узнает, Изибнис до сих пор считается не разгаданной планетой и мы спокойно вернемся домой. И ведь все это он продумал уже тогда, когда узнал, что Марок Слоши – пра-пра-правнук легендарного предка, летит к нам за сведениями о земных видах танца.

– Сержик, я тебя обожаю! – я подпрыгнула и поцеловала босса прямо в лоб. Серж скривился, посмотрел на меня и, увидев выражения обожания на моем лице, смилостивился и обнял меня за плечи.

– Чего, Артёмьева, до тебя только дошёл мой гениальный план?

Слепое обожание смыло волной. Шеф и гад – это синонимы. В моем случае, так точно.

Но, как оказалось, сюрпризы на сегодняшний день еще не закончились. Прибыв на станцию межпланетных кораблей, мы стояли с полчаса как идиоты, нас никто не встречал. Серж усердно набирал номер проектора Слоши, но того про-

сто не было на месте! Наконец-то, перед нами возникли двое изибнисцев и коротко пригласили нас следовать за ними. Ни тебе извинений, ни объяснений где их носил их изибнисцкий разум. Варварское племя!

Нас привели в капитанскую рубку и там мы простояли еще с полчаса, пытаясь понять, почему нас не ведут в каюты и не располагают с удобствами. Когда я начала закипать от праведного гнева, появился еще один изибнисец, представился капитаном корабля и пояснил, что господин Слоши ждет нас в своей каюте.

В каюту Марока Слоши я влетела на всех парах, несмотря на все усилия Сержа сдержать мою ярость. Изибнисец не успел рта открыть, как я рывкнула:

– У вас что, нет познаний в элементарных правилах приличия? Мало того, что знакомство с вашими, так сказать, компаньонами не принесло ничего хорошего. Теперь еще с нами обращаются, будто мы домашний скот и не более!

Слоши удивленно уставился на мою разъяренную физиономию, а Серж в это время со вздохами переводил на изибнисцкий язык то, что я сейчас выкрикивала в грубой форме на всеобщем языке, мешая тот с русским, потому как некоторые слова были просто непереводимы.

– Я отдал распоряжение, чтобы вас ровно в пятнадцать ноль-ноль по земному времени встретили на станции и проводили в свои каюты, – ответил Марок на всеобщем через какое-то время, глядя мне прямо в глаза, – Вы хотите ска-

зать, что ничего из приказанного не было сделано? – этот вопрос он уже задал холодным тоном и глаза его из темно-карих превратились в зеленые. Ого! Они еще способны и цвет менять, в зависимости от настроения!

– Нет, – менее уверено ответила я.

Марок Слоши встал, жестом пригласил нас сесть в удобные на вид кресла из непонятого материала и, поклонившись нам, вышел из каюты.

Вернулся он через десять минут, с тем же зеленым цветом глаз, хмурый и расстроенный.

– Я наказал провинившихся, Эва.

От его тона я похолодела и вцепилась в руку Сержа, сидящего рядом со мной.

– Как? – выдохнула я, следя за изибнисцем глазами.

Он впился взглядом в моё лицо и пояснил:

– Два дня без еды в тароте.

– В тароте? – переспросил Серж.

– По-вашему это карцер.

– Но это жестоко! – вскрикнула я.

– Они нарушили мой приказ! – тоном, не терпящим возражений, ответил Марок Слоши, – И поверьте, это слишком слабое наказание. Я понимаю, что вы ничего не знаете о наших законах и обычаях. И то, что вам сейчас кажется дикостью, для нас вполне естественно. Отныне я лично буду знакомить вас с нашей культурой.

Я мысленно встряхнулась и заставила себя вежливо улыб-

нуться. Чувствую, мне предстоит долгое и увлекательное путешествие. Серж кашлянул, чем разрушил стоявшую тишину. Изибнисец перевел на него взгляд, выпрямился и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Идёмте, я покажу вам ваши каюты.

Каюта произвела на меня впечатление. Полностью белая, начиная от потолка, мебели и заканчивая полом. Мебель была обычной, как ни странно из дерева, но неизвестной мне породы, вот только матрас на кровати меня не вдохновил. Уж не знаю из чего он был сделан, но лечь на него мне не хотелось – он булькал, перекачивался и казался живым. Придется привыкать. Как только прибуду на Изибнис, закажу с Земли нормальный мёртвый матрас! На стенах висели два экрана, показывающие какие-то замысловатые картинки. На белом столе стоял ноутбук последней модели известной мне.

Обследовав каюту, я успокоилась и запихнула свои чемоданы подальше. Смысла разбирать их не было, так как время полета во сне для меня пролетит мгновенно. Благодаря квантовому сворачиванию пространства – каких-то полтора дня, и мы на Изибнисе! Да, я собиралась именно спать! Претворю мечту последних лет в жизнь!

Раздался стук, и я растерянно уставилась на дверь. Стук повторился.

– Кто там? – брякнула я. Тьфу, ты пропасть! Какая разни-

ца, я не у себя дома, – Войдите.

Дверь оторвалась от пола и просто исчезла, растаяла на глазах. Вот это, я понимаю, технологии!

В каюту зашел Марок Слоши, поклонился мне, и я сдуру еще раз с ним поздоровалась.

– Как вы устроились? – вежливо осведомился он, а я восхитилась его познаниями в человеческой культуре. Вот нормальный же мужик! Не то, что его сородичи.

– Спасибо, всё хорошо.

– Приготовьтесь, сейчас будем взлетать, может сначала немного трясти. Ничего не бойтесь.

Он поклонился и вышел, а я на минуту зависла. Привет разыгравшимся гормонам!

– Эванжелина! – прогремевший на всю каюту голос босса заставил меня подпрыгнуть. Я завертелась, пока не поняла, что голос раздается от экрана, висящего на стене. Серж даром времени не терял, уже узнал, что это за чудо-техника и для чего она предназначена, пока я чисто по-женски интересовалась кроватями и матрасами.

Изображение шефа было чётким, будто он в окошко смотрел, а не по ту сторону экрана находился.

– Эва, – уже в который раз поправила я шефа и все так же безрезультатно.

– Что ж ты так орёшь? – поморщился Серж.

– Это динамики орут, а не я.

Серж скрылся из виду и через пять минут его довольная физиономия опять заговорила:

– Ну, скажи же – я гений.

Громкость он действительно убавил, и я устало улыбнулась.

– Еврей ты, – тихо озвучила я недавно мелькавшую мысль.

Серж от негодования просто выключился. Как пить дать, разговаривать со мной два дня не будет, на большее его не хватит. Я блаженно вздохнула, с осторожностью прилегла на живой матрас и погрузилась в грезы. Если все пойдет хорошо и на Изибнисе меня примут благосклонно, то первое, что я сделаю, так это улечу на Американский континент и лично встречу с Джеймсом Дарином. Надеюсь, хватит денег. Может быть, станцую для него танец и, может быть, исполню девичью мечту. Мечта у меня глупая, юношеская, но с большой буквы – объятия героя – любовника, его поцелуи, его сексуальная ухмылка... На любовь известного мацо я не претендую, мне ли не знать – это только в сказках бывает, что поклонник становится для своего кумира нечто большим. А вот ночь страсти добиться от него я смогу. Почему нет? Он – то меня и не вспомнит, а мне этих воспоминаний на всю жизнь хватит. А там можно и замуж выходить и так далее, и тому подобное.

Корабль немного потрянуло, и матрас подо мной подозрительно забулькал. Гадость несусветная! Вот как на этом спать? Посмотрела на дверь, странно, что заметила, как она

открывается только когда зашел Слоши. Порылась в памяти и вспомнила, что пока я носилась в порыве гнева и искала его, все каюты были открыты, то есть дверей не было вообще. Интересный корабль и интересный хозяин корабля... Вежливый, но строгий, симпатичный, между прочим. Мне всегда нравились мужчины большие, с жёсткими чертами лица и пронзительными глазами, как у него. Взгляд у него был такой, что казалось, в душу смотрит, даже мой кумир Дарин в этом проигрывал. С его чёрно-синими волосами он вообще был похож на землянина.

На этот раз тряхануло так, что я свалилась с кровати, и чудом успела отползти от летевшего на меня стула. Какой идиот оставил стул не прикрученной к полу! Корабль накренился, и я медленно, но верно съезжала по полу в сторону двери. Да, что ж такое-то а? Я уже приготовилась вписаться в эту чертову дверь, как она исчезла! Ну, просто очень вовремя! Не успела я ухватиться за что-нибудь, как меня поймали сильные, крепкие руки. Подняла глаза и столкнулась с зелёными глазами изибнисца. Опять зелёные... Он что, злиться? Хотя я бы, наверное, не так разозлилась на его месте – это не капитан космического корабля, это водила!

– С вами всё в порядке? Вы не поранились? Может, к доктору? – мужчина сыпал вопросами, от волнения путая слова на всеобщем с изибнисцкими.

– Со мной все хорошо. Я не ранена. Доктора не нужно, – по порядку ответила я, продолжая пялиться в его зеленые

глаза. Мне так нравился этот цвет... Может, его постоянно злить? Ну, немного совсем... Марок чуть улыбнулся и глаза стали... синими! Ого! Это что-то новенькое! И что это, интересно, значит?

– А у вас глаза синие стали, – зачем-то брякнула я и тут же пожалела. Изибнисец меня отпустил и снова одел официальную маску равнодушия на лицо.

– Марок, а что с кораблем? – его имя в моих устах прозвучало как-то мягко и непривычно нежно. Он снова посмотрел на меня ещё более синими глазами. Солнышко, да тебе ж нравится! Вот откуда синева – ты доволен! Еле удержалась, чтобы не проорать это на всю каюту, да, что там каюту, на весь корабль. Эх, мужики, вы как коты, гладь только по шерстке и все, он навеки твой.

– Уже все в порядке, Эва, неполадки с гравитацией команда устранила.

И действительно, я обнаружила, что крена нет и я никуда не съезжаю.

Так, стоп, Артёмьева! А какого черта я это только сейчас заметила? Марок... Все, это конец, гормоны разыгрались не на шутку. Права была мама, говоря, что мне замуж пора. Вот даже сейчас сижу на полу и молча смотрю на него как дура.

Внутренне собралась, изящно (ура!) поднялась с пола и сделала морду кирпичом.

– Спасибо, господин Слоши, за беспокойство. Могли бы

кого-нибудь и из подчинённых прислать, зря сами беспокоились.

Язык мой – враг мой. Выражение лица Марока стало официальным, глаза приобрели свой естественный карий цвет.

– Вы моя гостя, – сухо комментировал он, – Ваша безопасность – моя обязанность.

Он поклонился и вышел. Ну и ладно. В конце концов, чего я как девчонка маслом растеклась! И не таких мужиков видела.

Нет, таких – не видела, – вздохнуло мое подсознание, а я грозно на него шикнула, чтобы заткнулось.

Шеф побил все рекорды и начал разговаривать со мной через два часа. Я только решила поспать, как он явился в мою каюту. Вот так-то, Сержик, это тебе не Земля, здесь ты себе других собеседников не найдешь.

– Эванжелина, я просто влюбился в этот корабль! – загорланил он, как только зашел.

– Серж, я за тебя рада. Дай поспать, – пробормотала я и уткнулась носом в мягкую подушку. Даже знать не хочу из чего она сделана, буду считать, что из синтепуха.

– Нет, да ты послушай! Техника тут первоклассная, нам до нее как до Плутона на старом межгалактическом корабле! Один только компьютер чего только стоит! Ты видела?

– Серж, – простонала я, – Ну, будь ты человеком, дай поспать!

Мой босс насупился, пробурчал что-то себе под нос и гор-

до удалился. Лежала я минут пятнадцать, в тщетной попытке уснуть. Да, твою же душу за ногу! Все – таки сбил сон, сволочь. Дальше просто так валяться не было смысла, и я решила устроить экскурсию по кораблю. Из чемодана достала расческу, зеркало и темно-серый свободного покроя костюм, идеально подходивший мне к глазам. За пять минут привела себя в порядок и направилась к выходу. И как это чудо открывается? Я пошарила по двери рукой – безрезультатно. Через минуты три обнаружила на стене по правую сторону маленькую кнопочку, нажала – и дверь исчезла.

В коридоре было пусто и светло. Я свернула направо и побрела неспешным шагом. По пути попадались одни сплошные двери, ведущие неизвестно куда. А что я ожидала? Зато, в самой закутке коридора, я обнаружила помещение с открытой дверью и надписью: «Не входить!» на изибнисцком языке. Постояла, потопталась, а потом подумала, да какая разница, меня все равно никто не видит и не слышит, лучше удовлетворю свое любопытство, чем умру от него.

В помещение я зайти не успела. Загорелись синие лучи, заорала сирена, и тело пронзила острая боль. Меня отшвырнуло обратно в коридор.

Минут пять я ничего не видела и не слышала, перед глазами стоял серый туман, а в ушах гул. Зато, когда в голове прояснилось, мне захотелось провалиться сквозь землю. Передо мной нависал могучий незнакомый мне изибнисец со страшным выражением лица и что-то мне кричал. Разо-

братъ, о чем он толкует, я не могла. Верзила буквально шипел, скороговоркой изъяснялся на своем языке и чуть ли слюной не брызгал. Позади него стояли еще пятеро. Плохо дело, очень плохо... А мне-то как плохо, кто бы знал! Я попыталась встать, но у меня ничего не получилось, вот тут я и испугалась не на шутку. Что это было? Я вообще теперь встать смогу?

Громоподобный изибнисец, похоже, выдохся и замолчал. Зато позади него вырисовывалась интересная картина – Марок Слоши нёсся к месту происшествия как на пожар, а позади него, что-то бормоча и отчаянно жестикулируя, вприпрыжку бежал Серж. Сейчас мне попадёт от всей честной компании. Ну, какого чёрта я туда попёрлась! Марок застыл передо мной каменным изваянием и я, не решаясь посмотреть ему в глаза, уставилась на шефа. Серж, весь красный как рак, только пар из ушей не валит, злобно сверлил меня взглядом.

– Я тебя уволю, Артёмьева!

Слышала я это не впервой, поэтому особо значения не придавала. Верзила в этот момент снова ожил и уже более медленно произнес:

– Вы говорили, что землянка знает наш язык. Но она вошла туда. Конвой я наказал, их на месте не было. Как наказать ее?

Я вздрогнула и уставилась на верзилу. Хотела выкрикнуть наглецу в лицо, что нечего такие провокационные надписи

перед женщиной было вещать, но не издала и звука. Замечательно, я теперь еще и немая.

– Все свободны. С женщиной я сам разберусь. Конвой поставьте возле каюты.

Я подняла глаза и со страхом посмотрела на Марока. Что значит: «сам разберусь»? Тоже меня кормить не будет или что похуже?

– Марок – сир, вы уверены, что она не работает на террористов? Зачем нужна ей эта комната? – неожиданно для меня произнес верзила, чем заклеил себя врагом номер один.

– Я сказал, что разберусь сам, – громко и зло произнес Слоши, отчего подчиненные его разбежались кто куда. Кстати, мой шеф тоже поспешил ретироваться, гаденыш.

Марок взял меня на руки и понёс. Пока нёс – молчал и даже не смотрел на меня. А я почувствовала, что мышцы начинают оживать, но вот речь оставляла желать лучшего – язык категорически отказывался меня слушаться.

Мужчина зашел в какое-то помещение, сел на кровать и прижал меня еще сильнее. Я попыталась сползти с его коленей, но он только головой покачал.

– Не шевелись, Эва. Мышцы у тебя ещё не в порядке.

Мне вдруг стало дико стыдно, и я что-то прохрипела в ответ, но сама себя не поняла.

– И не говори, – Марок улыбнулся мне, и я снова впала в ступор.

– Маленькая, ну зачем ты туда полезла?

Я молчала и смотрела ему прямо в лицо. Господи, полжизни готова отдать, чтобы заговорить сейчас и все ему объяснить. Хотя объяснять почти нечего – глупое любопытство довело меня до крайности. Его глаза излучали тепло, вместо ожидаемого осуждения. И о чем, интересно, нам это говорит?

– Никогда так больше не делай.

Я с трудом кивнула, и сама крепко к нему прижалась. Если это наказание – то я готова быть наказанной хоть тысячу лет. Поражало другое – Марок жестоко наказывал за провинность других, а меня жалеет. Надо быть полной идиоткой, чтобы не понять почему. Я себя идиоткой не считала.

– Пр... прос... ти, – наконец-то смогла выговорить я. Он снова мне улыбнулся, погладил по волосам, а потом без перехода сказал:

– Ты мне нравишься, Эва.

Сердце замерло на несколько секунд, а дыхание участилось. Похоже, контроль над своим телом я потеряла окончательно. И ведь не реагирую я так на других мужиков, только на него. Марок продолжал меня удерживать на своих руках и шептать что-то ласковое. Мне было так хорошо, что я даже не поняла сразу абсурдность ситуации – знаю его от силы два дня, а ощущения такие, что дух захватывает.

– Марок, – четко проговорила я и обнаружила, что могу нормально говорить, вот радость-то, – А что это была за ком-

ната? И почему тот громила так кричал, да еще в террористы меня записал?

– Там оружие, Эва. И главный бортовой компьютер, через него вирус можно занести так, что корабль с пути собьется, да и вообще можно все, что захочешь сделать.

– Не боишься мне это говорить, вдруг я действительно террорист, – усмехнулась я.

– Нет, – он опять улыбнулся, а я опять потеряла голову, – Я же не дурак. Прежде чем вас пускать на свой корабль, я проверил все данные касающиеся тебя и твоего хозяина.

– Босса, – поправила я его.

– Извини, босса. А тот, кто на тебя сегодня так кричал – начальник моей охраны.

Я удивлённо вскинула брови и чуть отодвинулась от Марока.

– Зачем тебе охрана?

– Эва, ты как ребенок. Я управляю огромной корпорацией у себя на планете, у меня место в Совете, так что недоброжелатели имеются.

Что-то как-то у меня вылетело из памяти, что наш дорогой заказчик очень даже крутой мен у себя на Изибнисе.

– Что такое Совет?

– Наша планета делится на несколько территориальных частей. Каждой частью управляет Совет, который состоит из пяти изибнисов высшего происхождения, у вас эта каста когда-то называлась аристократами. Я вхожу в один из Со-

ветов. Функции такие же, как у вашего парламента.

Ну, ничего себе, приехали! Аристократ, политик... Господи, куда я влезаю-то, а? Даже не так – куда я уже влезла с этим контрактом?

– Ты чего, Эва? – Марок заметил, как я напряглась.

– Почему взяли только меня одну? Контракт был заключен только со мной, а не со всеми танцовщицами.

– Ты лучшая. А я привык иметь дело только с лучшими.

Ну, конечно, бизнес, прежде всего. А я тут размечталась, идиотка!

– Откуда ты знаешь? Ты даже танца моего не видел.

Марок усмехнулся и разомкнул объятия. Мне тут же стало холодно.

– Видел. Я записи смотрел с твоими выступлениями. И угадывая твой следующий вопрос, отвечаю, таких записей я просмотрел не один десяток. Мне понравилась ты. Я прилетел на Землю и договорился о встрече.

Я отчего-то разозлилась. Записи он смотрел, выбирал. И хотя понимала умом, что любой серьезный человек на его месте сделал бы то же самое, все равно злость во мне кипела вовсю. Романтики мне захотелось, ненормальная.

– Эва? Что происходит? Я тебя обидел? – мужчина усердно заглядывал мне в глаза, а я боролась со своей злостью в душе.

– Нет, – все-таки ответила я, – Просто... Ты сказал, что я

тебе нравлюсь... В каком смысле, Марок? Как профессионал или как женщина? – я решила быть такой же откровенной. Понимаю, что всю свою гордость и независимость растираю в порошок, но мне почему-то стало на это абсолютно наплевать. Он долго и серьезно смотрел на меня, молчал, а потом вдруг решился:

– Я не понимаю тебя, честно. Но привык говорить правду. На профессионализм я почти не обратил внимания. Не обижайся, но через пятьдесят просмотров разных танцовщиц уже не оцениваешь танец, а выбираешь интуитивно. В тебе меня поразило нечто другое, Эва. Ты живёшь танцем, дышишь им, ты не играешь. Я захотел познакомиться с тобой поближе, узнать, в жизни ты такая же настоящая, как и на сцене?

– Узнал? – тихо спросила я и вместо ответа получила восхитительно нежный поцелуй. Ощущения накрыли с головой. Он не дразнил меня, не пытался возбудить, как остальные мужчины, он просто упивался нашим общим наслаждением, проникал ко мне в душу, в каждый уголок.

Оторвался от моих губ он резко, уставившись синими глазами в мои глаза. Впервые в своей короткой жизни мне захотелось продолжения. Я будто кожей чувствовала, что это именно мой мужчина.

– Узнал, – также тихо ответил мне он.

В дверь каюты постучались и сразу зашли. Это был его начальник охраны.

– Марок-сир, мы приближаемся, через час посадка.

До Изибниса, как оказалось, лететь меньше полутора суток, что говорило о мощности его межгалактического корабля.

Начальник охраны бесшумно ушёл, но момент был упущен. Марок отодвинулся от меня, встал, подошел к столу и включил компьютер. А я только сейчас начала разглядывать обстановку. Цветовая гамма, мебель такая же, как и у меня, только на стенах помимо экранов висела картина – молодая счастливая пара. Мужчина был очень похож на Марока, из чего я сделала вывод, что это его родители. Значит, я в его каюте? Он принёс меня в свою каюту.

– Эва? – раздался голос Марока, – Извини, у меня много работы, сама найдёшь в каком направлении двигаться?

Я кивнула и незамедлительно покинула помещение. Романтическая идиотка. Я тут о поцелуях думаю, а он работать из-за меня не может, ещё и провозился со мной чертову уйму времени.

Каюту я свою нашла, а ещё нашла начальника охраны у двери, до сих пор, кстати, не знаю его имени.

– Госпожа Артёмьева, – начал он, как только меня увидел, – Я настоятельно рекомендую вам не отвлекать господина Слоши от дел государственной важности. Я понимаю, что у себя на планете вы знаменитость и требуете к себе особенного отношения, но всё же советую вам обратить внимание на кого-нибудь менее занятого. Естественно, на время. Я

ни в коем случае не вмешиваюсь в выбор господина Слоши, просто рекомендую вам найти другое развлечение на время полета. Как только мы приземлимся на Изибнис, господин Слоши окажет вам необходимое внимание, вы останетесь довольны, впрочем, как и другие наложницы.

От услышанного у меня челюсть упала. И кажется, впервые в жизни я почувствовала ненависть.

Мой враг медленно удалился с чувством исполненного долга, я же, как метеор залетела в свою каюту. Наложница?! Это я-то наложница? Да, пошел к чёрту этот начальник охраны вместе с Мароком! Я никогда не буду чьей-либо наложницей ни добровольно, ни принудительно! Первым желанием, конечно, было порвать идиотский контракт и вернуться домой. Но немного успокоившись и, перестав метаться из угла в угол, я поняла, что это не только не профессионально, но и глупо. Я не буду показывать свою слабость. В конце концов, Изибнис – это не один Марок, а куча народа, возможно недоброжелательного, но лучше так, чем честный до скрипения зубов зарвавшийся аристократ.

Серж влетел в мою каюту без приглашения и начал с отповеди за произошедший инцидент:

– Артёмьева, ты вечно выкидываешь такие финты! Тебе не стыдно, нет?

– Иди к дьяволу, Серж! – метнула я в него разъяренный взгляд – И скажи спасибо, что я не увольняюсь к чертовой

матери, хотя желание просто огромное!

Шеф осекся, покраснел, потом побледнел и через минуту произнес:

– Так он что действительно тебя наказал?

Я отмахнулась от него, как от надоедливой мухи и отвернулась.

– Эва, – осторожно начал Серж – Что он сделал?

– Ничего, по его мнению, предосудительного! – у меня не было ни сил, ни желания объяснять ему, что Марок меня не наказывал, это я сама себя наказала, влюбившись в непроходимого бабника.

И тут от догадки, от мысленного признания самой себе я встала, как вкопанная. Влюбилась? Влюбилась, втюрилась, растеклась как масло.

Уж не знаю, что у меня было на лице, но Серж, зло сверкнул глазами и сжал кулаки. Через секунду его уже не было. Я даже не успела ничего сказать. А, ну и пошли они все!

Не прошло и пятнадцати минут, как ко мне в каюту ворвался Марок – злющий, сам на себя не похож, аж колотит всего. Я устало посмотрела на него и подумала, что за несколько минут моя комната превратилась в проходной двор.

– Я тебя обидел, Эва? – загремел он на весь корабль. От его злости я непроизвольно сжалась. – Если я тебя обидел, то искренне прошу прощения. Только я не понимаю, почему ты не сказала этого мне! Зато побежала жаловаться

к своему боссу! Очень интересно, что ты ему наговорила, что он захотел разорвать контракт! Я думал, ты искренняя и честная, Эва! Видимо, я ошибался, и ты всего лишь решила разорвать контракт для того, чтобы тебе заплатили больше, прекрасно понимая, что теперь у меня связаны руки!

– Что? Считаешь, дело в деньгах? Ты ошибся в другом, – с яростью проговорила я, – Что я буду одной из многих! Твой страж мне ясно дал понять, что я не первая и не последняя девка, проходящая через твою постель. Я уважаю себя, господин Слоши. Контракт я разрывать не буду, но официально заявляю, что вашей наложницей не буду ни за какие деньги!

Марок резко выдохнул, будто ему дали под дых, его естественная бледность приобрела оттенок близкий к мертвецу, а глаза запылали зеленым цветом.

Чего он так разозлился, я – единственная кто ему отказал?

– Кто тебе это сказал?

– Начальник вашей доблестной охраны, уж не знаю, как его зовут, – я скрестила руки на груди.

– Его звали Ламинок, – процедил он сквозь зубы, а я внутренне содрогнулась.

– Что значит «звали»?

Он пристально посмотрел мне в глаза, а потом произнес:

– Потому что я не уверен, что просто его уволю, а не убью после всего.

– Нет, Марок! – я вцепилась в его руку, – Я уверена, он не хотел ничего плохого! – Я самой себе удивилась, начав за-

щищать его стража, – Он просто хотел внести ясность, сказал, чтобы я не мешала тебе, что потом останусь довольна, как и другие наложницы. Я просто не знала, что у вас... так принято.

Марок с минуту смотрел в мои глаза, а потом неожиданно обнял меня, и я не посмела его оттолкнуть.

– Неужели ты думаешь, что я все эти годы жил отшельником? У меня были женщины и не одна. У нас действительно таких называют наложницами. Но ты, Эва, не имеешь к этому никакого отношения. Я сказал, что ты нравишься мне, я не лгал.

Он отпустил меня, дотронулся рукой до моего лица, слегка поглаживая скулу большим пальцем.

– Поверь, у меня нет постоянных наложниц, я не соержу гарем. У меня даже нет жены. И сейчас я абсолютно свободен.

– Но почему Ламинок...

– Он сказал правду, – перебил он меня, – То, как он видит ситуацию. Хотя и не имел на это права. Ламинок ответит за грубость.

– Прошу, не наказывай его слишком жестоко.

Я поверила ему. Да и как не верить его глазам, голосу. Я просто чувствовала, что он не врет.

– Ты удивительная, Эва. Он обидел тебя, а ты не жаждешь мести, – он снова улыбался мне, – Ты отличаешься от изибнисцких женщин, в тебе нет кровожадности и мелочности.

Прости, что плохо думал о тебе.

Господи, ну как тут остаться равнодушной? Я слышала тысячу слов от многих мужчин, поклоняющихся моей красоте, известности, моей страстности и порочности и не один из них за всем этим маскарадом, что они лицезрели на сцене, не видел меня настоящую. До сегодняшнего момента.

– Почему ты не женат, Марок? Неужели не было желающих?

– Почему, были, – засмеялся он, – Я отличаюсь, Эва, от обычных изибнисцев – думаю по-другому. Ты все поймешь, пообщавшись с моим народом.

– Что, ни одной подходящей на всю планету? – не поверила я.

– Я не имею права жениться на той, кто ниже моего условия.

Супер, невесело подумала я, у них там эра Водолея, или еще дальше... В школе мы изучали феодальные системы, которые на Земле давным-давно себя изжили. Что же ждало меня на Изибнисе?

– Эва? Что я опять не так сказал? – Марок озадаченно смотрел на меня, и я поспешила его успокоить:

– Всё в порядке. Просто для меня все это в новинку. Я ничего не знаю ни о тебе, ни о твоей планете. И честно говоря, меня это пугает.

– Я с тобой, аката, – он незаметно перешел на изибнисцкий язык, – Ничего не бойся.

Я завороженно смотрела в его глаза, которые потихоньку начинали синеть. Я уже знала, что это значит, он хотел меня и то, как он меня назвал, только подогревало мое желание – аката, значит солнце, никто не называл меня солнцем.

Я поцеловала его первой, возможно, не умело, но он вздрогнул и прижал меня к себе со всей силой. Какая разница, что думают об этом его люди? Разве это так важно, когда ты знаешь, что думает об этом он?

– Эва, – хрипло пробормотал он, оторвавшись от моих губ, – Не здесь, милая. У нас ещё будет время.

И было совершенно не важно, что я знаю его всего два дня, что за столь короткий срок невозможно так прикипеть к мужчине, что, возможно, с его стороны это всего лишь желание и ничего больше. Впервые за всю мою юность мне хотелось окунуться в чувства с головой.

Из каюты я вышла немного взъерошенной, щеки пылали, губы припухли. Но я решила, что не отпущу Марока одного, а то не дай Бог, пришибет бедного Ламинока. А то, что он бедный я не сомневалась. Не хотела бы я пережить гнев Марока на себе.

Марок шагал широкими шагами, и я еле поспевала за ним. Мы прошли изрядное количество дверей, казалось, коридоры никогда не закончатся. И вот Марок резко тормознул перед одной из дверей, развернулся ко мне и произнес:

– Эва, ты не должна присутствовать при этом разговоре.

– Почему?

– Это мои подчиненные, они не поймут, почему я разговариваю при тебе – землянке.

– Даже если я была оскорблена?

– Да.

Спрашивается, зачем тогда он позволил, чтобы я шла за ним? Он открыл дверь и вошел. Буквально через секунду я услышала его голос и, хотя слова понимала через раз, он говорил на своем языке слишком быстро, общий смысл уловила ясно. Эх, не завидую я Ламиноку. Меня так отчитывали в глубоком детстве, когда я обидела соседского мальчишку, младше меня. Папа тогда рвал и метал, обвиняя меня в излишней жестокости. Но папины слова – это просто ласковый шепот по сравнению с тем, что сейчас говорит Марок. Последнее я услышала четко:

– Это всё, можешь идти, но запомни на всю свою жизнь – никогда не смей разговаривать с ней как с рабыней! Иначе я за себя не отвечаю.

Всё-таки я злая, потому что эти слова заставили меня злорадно ухмыльнуться. Дверь внезапно открылась и я, не успев спрятаться где-нибудь в уголках коридора, столкнулась с взглядом Ламинока. При виде меня, его глаза запылали ненавистью, а я поняла, что действительно нажила себе врага, пожизненно.

Почти следом за ним из каюты вышел Марок.

– Эва, ты все еще здесь?

Нет, блин, уйду я на самом интересном моменте. Я виновато улыбнулась, а он нахмурился.

– Эва, я же просил.

Но от ненужного ответа меня спас мой шеф, появившись на горизонте в каком-то веке вовремя.

– Эванжелина, я тебя везде ищу! – провозгласил Серж, но заметив Марока застывшего в проходе каюты заметно напрягся. Я поспешила взять Сержа за руку и заглянула в глаза, прежде чем он начнет новый скандал.

– Серж, милый, ты все не так понял! Да и я не совсем разобралась. В общем, разрывать контракт мы не будем. Все хорошо.

Серж переводил свой взгляд то на меня, то на Марока. И только потом, вероятно пораскинув серым веществом в голове, изрек:

– Не всё так просто, да? Что ж, Эва, надеюсь, ты делаешь правильный выбор. Господин Слоши, приношу свои извинения, – Серж поклонился на манер изибнисцев и ушёл. Я в этот момент решила облегчённо вздохнуть, но не тут-то было. Меня бесцеремонно схватили за руку и буквально втащили в ту каюту, где только что был Ламинок.

– Что значит «милый»?

Я взглянула в глаза Марока и ойкнула. Зеленые.

– Марок...

– Почему ты его касаешься постоянно? Что между ва-

ми, Эва?

Ох, только ревнивого изибнисца мне не хватало.

– Марок, ты что, ревнуешь? – прямо спросила я.

– Эва, – его глаза угрожающе сузились, – Я не знаю, как принято у вас на Земле, но у нас чужую женщину не должен трогать никто. А ты моя, Эва.

Вот почему, когда он настолько эгоистичен, я хочу растечься маслом? Я должна возмутиться, сказать, что он не имеет на меня никаких прав, но вместо этого млею, и мысли разбегаются в разные стороны. Кто сказал, что любовь не болезнь? По мне так она самая, патологическая. Каким образом наши отношения в столь короткое время переросли из деловых в нечто большее? Ответа на это у меня не было.

Дальнейшего разговора у нас не получилось. Мы приблизились к Изибнису, и нужно было готовиться к посадке. Марок ушел, как мне показалось, недовольный собой. По мне, так я была очень даже довольна. Надо же, мужчина заявляет на меня свои права, а я не против, в первый раз такое. Хотя кто мне мешает завести легкую интрижку? Нет, противоречу сама себе, интрижка длинной в три года не может быть легкой.

Я вернулась в свою каюту, достала из чемодана легкую шубку из пушного зверя неизвестной мне породы и уселась на свою кровать. Хотела поспать во время перелета, а получилась целая история. Интересно, на Изибнисе гостиницы есть? Так как ответа я не знала, то быстренько соединилась

с Сержем.

– Слушаю, – пропел мой босс с экрана монитора.

– Серж, а где мы жить будем?

– Первое время у Марока Слоши, – невозмутимо ответил он, – Потом видно будет.

Вопросов у меня больше не было, поэтому шеф отсоединился. Корабль тряхнуло, и я с ногами забралась на кровать и вцепилась в ее спинку, памятуя о прошлом разе. Но приземление произошло вполне удачно, уже через десять минут я спускалась по трапу на огромную по размерам изибнисцкую перелетную станцию.

Нас встречала целая толпа из зевак, а также тех, кто, вероятнее всего, работал в компании Марока. К нам подошли трое могучих изибнисцев, высоких, статных, все как один с длинными волосами, одетых в меха и, поклонившись нам, протянули невероятно красочный пояс. Я машинально взяла его из рук незнакомца, да так и осталась стоять, совершенно не зная, что с ним делать дальше. Марок, видя мое замешательство, наклонился и прошептал:

– Завяжи его на талии, Эва. Если не завяжешь, они подумают, что ты хочешь им зла.

Я мигом себя опоясала и приготовилась к новым сюрпризам. Серж в подсказках не нуждался, судя по всему, все время перелета он потратил на изучение традиций Изибниса. Умный парень, в отличие от меня.

Мы долго шли по станции в сопровождении изибнисцев

Марока. Станция практически ничем не отличалась от нашей земной – те же пролеты, дорожки, удобные сидения для ожидающих. Только были тут разнообразные корабли, разной формы и размера, почти все я видела в первый раз. На картинках, которые были в школьных учебниках, были только военные звездолеты, и когда сие творение я увидела воочию, стало жутковато. Перед глазами так и вставала яростная война двух столетий назад. Наконец, мы дошли к очередному трапу, где нас поджидало очередное чудо – вместо привычного для меня перелетного транспорта, нас поджидала капсула, с монитором иллюминатора, на десять пассажирских мест. Дверца была одна и открывалась снизу-вверх. Несмотря на мои опасения, что мы будем тесниться в ней, капсула оказалась достаточно просторной.

– Разработка компании Марока Слоши, на этой малышке мы спокойно долетим с перелетной станции до самого Изибниса, – шепнул мне Серж, как только все уселись, – Он предлагал нечто подобное землянам, но наши, как всегда, отнеслись к новой идее скептически.

– У него же компания по добыче урана? – переспросила я.

– Слоши, кроме этого, занимается окультуриванием Изибниса, привносит новые разработки, в общем, делает все, чтобы его народ жил лучше.

Я посмотрела на Марока, он сидел впереди меня и сосредоточено выслушивал сидящего рядом с ним совсем седого изибнисца, с многочисленными морщинами на лице. Так

странно, в первый раз вижу старого изибнисца, и цвет волос у него больше серебряный, чем седой.

Марок обернулся и поймал мой взгляд, глаза его потепле-ли, но он тут же отвернулся и продолжил разговор.

Строгий, даже суровый мужской силуэт. В нем не было ку-кольной красоты, только красота воина. И что я в нем нашла? Что заставляет мое сердце биться, будто пойманная в клетку птица? За всеми этими событиями и калейдоскопом чувств я совсем забыла о том, что еще два дня назад собиралась встретиться с Джеймсом. И даже некогда вожденный об-лик несколько угас, заменив его образ яркими чертами Ма-рока.

Наш транспорт плавно приземлился на широкой улице, с часто посаженными по бокам цветущими деревьями. От та-кой красоты я замерла – везде лежит белый, пушистый снег, а деревья цветут ярко розовыми цветами, тянущимися вет-вями к серому небу.

– Нравится? – шепчет Марок мне на ухо. Я медленно обо-рачиваюсь на его голос и не могу и слова произнести.

– Они не живые, – будто прочитав мой вопрос, говорит он, – Деревья и цветы из камня, это дань богине возрожде-ния, которую мы ждем среди нашей зимы. Посмотри, Эва, – указывает он рукой на сооружение справа от меня, – Это мой дом.

Дом впечатлял размерами. Двухэтажный, с большими ок-нами и конусовидной крышей. Но самое интересное было

не это – дом был полностью сделан из камня, того материала, которое мы не использовали уже лет пятьсот.

Серж стоял с открытым ртом и ничуть этого не стеснялся, хотя изибнисцы, пришедшие с нами, начали показывать на него пальцем и просто умирать от хохота.

– Прошу проходите в мой дом, – громко сказал Марок, и вся наша компания двинулась к массивным дверям. Не успели мы дойти до крыльца, как дверь распахнулась и оттуда вышел Ламинок. Вот про кого я совершенно забыла за осмотром великолепий Изибниса.

Он хмуро оглядел всю нашу компанию, чуть больше задержался на мне (а как же!) и нарочито медленно выговаривая слова, обратился к Мароку:

– Марок – сир, я проверил дом. Все в исправности, за время нашего отсутствия ничего не произошло.

– Почему он тебя сиром называет? – шепотом спросила я Марока, не удержавшись от вопроса.

– Это означает «хозяин», все рабы величают так своих хозяев.

Раб? Ламинок – раб?! Хорошо, что я удержалась, чтобы не выкрикнуть это вслух. Господи, в каком же веке вы живете?

Почувствовала, что меня тянут за руку и увидела, что все уже прошли в дом, и только Марок задержался и смотрит на меня недоуменным взглядом. Заставила себя переставлять ноги, улыбнулась Мароку, прекрасно понимая, что

не время и не место задавать вопросы.

В доме стоял дикий гогот. Причину смеха я увидела сразу – мой шеф носился из угла в угол, с совершенно обезумевшим взглядом и орал во всю глотку: «Уберите эту дрянь!». В это время за ним неотступно бегало странное животное, по виду напоминавшее нашу земную змею, только с ножками с тремя перепончатыми пальцами с когтями на каждой. Изибнисы покатывались со смеху. Животное шипело, бегало за Сержем, но попыток как-то причинить ему вред не предпринимала. Я змей любила с детства, поэтому эта картина меня просто умурила. Помнится, год назад я Сержу предложила сделать танец со змеей, Сержа тогда передернуло и вот сейчас его страх во плоти преследовал его на другой планете.

Марок издал какой-то шипящий звук, и животное прекратило своё преследование и подошло к хозяину.

– Какая миленькая, – пролепетала я, разглядывая ее серо-желтую чешую, но тронуть не решилась, все-таки это не совсем змея.

– Ее зовут Рикоса, – сказал Марок, на что она высунула свой язык, облизнула мордочку и уставилась на меня. А язык то у нее не раздвоенный!

– Она охраняет дом, – пояснил Марок.

– Это что-то вроде собаки?

Все наперебой принялись мне объяснять, что это за чудо такое инопланетное. И я, как обычно, когда разговаривали сразу несколько изибнисцев, ничего не поняла. Как ни

странно, доходчиво объяснить мне смог только Ламинок.

– Это животное – дух дома. Оно охраняет жилище от проклятий, зла. Оно чистит дом от отрицательных энергий.

– Вы хотите сказать, – загорланил на весь дом Серж, – Что такая вот тварь есть в каждом доме?

Рикоса что-то яростно шикнула и повернулась всем корпусом в сторону побледневшего шефа.

– Я бы не советовал оскорблять духа, – еле сдерживая смех, пояснил Марок Сержу, – Она злопамятна, может отомстить.

Сержа от этих слов начало трясти, и он неуверенно, запинаясь, извинился перед Рикосой. Та в ответ облизнулась, и шеф нервно сглотнул, вызвав новый приступ хохота у окружающих. Даже Марок больше не сдерживался и смеялся в голос, ну, что греха таить, я тоже хохотала от души. Рикоса тем временем, ушла в неизвестном направлении. Я принялась разглядывать дом.

То место где мы находились было просторным и, скорее всего, являлось залом. Огромные окна освещали все помещение, в центре стоял неправдоподобных размеров диван, обитый шкурой неизвестного мне животного. Прямо перед ним круглый столик из дерева, а по бокам стеллажи из камня. На них стояли разные статуэтки, горшочки и книги. Самые настоящие книги! Как когда-то – в переплете, странички, вероятно, из пергамента. Ух ты! Срочно захотелось дотронуться до них руками, полистать, пощупать...

– Эва, – оказывается в гостиной стояла тишина, и Марок не единожды позвал меня. Все куда-то разбрелись, даже Сержа не было видно.

– Эва, ты как себя чувствуешь?

– Нормально, – ответила я, не поняв вопроса.

– У вас на Земле, сейчас глубокая ночь, – пояснил он.

– А-а-а... – облегченно протянула и, пожав плечами, ответила, – Мне не привыкать не спать ночью, у меня работа ненормированная.

Марок почему-то нахмурился и жестом пригласил сесть на диван.

– Эва, и всё-таки кто для тебя Серж?

Я вздохнула и принялась объяснять ему очевидные вещи:

– Он мой шеф, босс, но не хозяин и не любовник. Друг, если хочешь.

– Тогда почему он заставляет тебя работать ночью?

– Ну, сам подумай, у нас на Земле днем все работают, мои представления могут посещать только вечером или ночью. И никак иначе.

Марок встал, заложил руки за спину и начал ходить из угла в угол. Нет, все-таки я его не понимаю.

– Здесь ты будешь работать только днем, у моего народа несколько другой распорядок дня, – он повернулся ко мне и с теплотой в голосе добавил: – Ночью ты будешь принадлежать мне.

Пульс поскакал галопом, а дыхание сбилось. Чёртовы гор-

моны! Ну, не могу я так на него реагировать! Хотя организм думал иначе. Заставила думать себя о другом, сначала в голову лезла всякая чушь, а потом неприятно кольнула мысль – я вспомнила, что так неприятно удивило меня.

– Марок, я не знала, что у вас на планете существует рабство.

Казалось, мой вопрос никак его не смутил. Он спокойно сел рядом со мной и совершенно будничным тоном заговорил:

– Подобная система существует с самого начала жизни на нашей планете. Есть изибнисцы высшей касты, есть низшей. Одни прислуживают другим. Если нужно, раб умрет за своего хозяина, раб не может его послушаться, не может уволиться со службы, в отличие от свободных изибнисцев. Хозяин может освободить раба, сделав того полноценным гражданином Изибниса.

– Но это же дико! – не удержалась я от замечания.

– Для нас нет! – резко оборвал меня Марок, – И насколько я знаю, у вас, на Земле подобная система существовала несколько веков.

– Две тысячи лет тому назад! Но наш мир отказался от этого.

– Наш мир не откажется, – мрачно заметил он, глядя мне прямо в глаза, а мне вдруг стало тоскливо и захотелось в свою родную стезю, домой.

– Значит, Ламинок – раб...

– Эва, – ласково произнес он, – Я понимаю, тебе тяжело, ты слишком живая, настоящая, умеешь радоваться жизни, чтобы жить, так как живу я. Единственное, чем я могу тебя успокоить, так это сказать, что для раба стать начальником охраны своего хозяина – это предел мечтаний, практически невозможный случай. По сути, его место должен был занимать состоятельный, свободный изибнисец. Я решил иначе, пошел против многих мнений, но мои рабы довольны жизнью.

– Как, объясни мне, как можно быть довольным, не будучи свободным? – воскликнула я, мои эмоции плескали через край, – Ты бы смог?

Господи, что я делаю? Кого учу? Да и зачем мне все это надо? Верно, говорил мой отец, у меня слишком обостренно чувство справедливости.

– Извини, – выдавила я из себя после минутного молчания, – Я не имею права ни указывать тебе, ни спорить, не зная вашей жизни.

– Эва, маленькая моя, – прошептал Марок и взял мое лицо в свои ладони, – Посмотри на меня, моя революционерка, к сожалению, твоя революция обречена на провал.

– Я знаю, – пискнула я и даже всхлипнула. Вот как нервы расшалились.

– Ты не изменишь ход истории нескольких тысяч лет. Задолго до тебя уже пробовали и ничего из этого не вышло. Не забивай свою светлую головку этими проблемами. По-

смотри на меня.

И я посмотрела. Синие, бездонные глаза смотрели на меня ласково и тепло. Он хотел меня успокоить, и я в который раз удивилась, насколько он хорош и в то же время необычен. Никто другой из знакомых мне не стал бы даже обсуждать со мной подобные вопросы, не пытался бы объяснить, успокоить, в конце концов. Он стал, и от этого становилось легко на душе, значит, ему не все равно, что я чувствую.

Поцелуй, ласковый, нежный и через мгновение страстный обжег мне губы, и я ответила, стараясь вложить в него все, что я чувствую. Мои руки скользнули в его волосы, пробуя их на ощупь и так и остались там, будто это их место. Через минуту я начала задыхаться, в животе что-то разгоралось и опускалось вниз, к бедрам. Марок медленно опустил-ся к моей шее, и мне казалось, что во мне что-то разбилось, громко, на мелкие осколки. Я прижалась к нему теснее, обхватив его мощную спину руками и о, Боже, как же мне это нравилось! Уже сбилась со счета, сколько он подарил мне обжигающих ласк, когда он застонал, что-то во мне взорвалось и я даже, не думая, что я делаю, перебралась на его колени, обхватив его бедра своими ногами. Вот так вот гораздо лучше! Когда его горячая плоть уперлась мне в бедра, меня это не отрезвило, совсем наоборот. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что этого делать не надо. Но только мелькнула, исчезнув, сгорев в том огне, что испытывала его хозяйка. Я не заметила, как он расстегнул мне рубашку, зато

почувствовала его губы на своей груди. Сознание покинуло меня окончательно. Я чувствовала только его губы на своей груди и руки, ласкающие мою спину, а еще стон, срывающийся с его губ и лишающий меня последнего остатка разума.

Хотелось большего, и я знала, чего именно, но он почему-то не давал мне этого.

– Марок... – почти простонала я, отчего он глухо зарычал, продолжая меня мучить.

Его рука опустилась ниже, нещадно сминая мою юбку, чуть раздвинув мне ноги и, к моему удивлению, этого стало достаточно, чтобы я рассыпалась, разбилась на кусочки, как дорогая фарфоровая ваза. Я вцепилась в его плечи, как утопающий, тело било сладкая судорога, в глазах плясали разноцветные огоньки. Его голос я услышала, как из потустороннего мира, севший, бархатный и распаленный:

– Эва, милая, здесь нельзя. Сюда могут войти, любимая.

Когда сознание вернулось, я не поверила собственным глазам – я все еще сидела на Мароке, с обнаженной грудью, он тяжело дышал, придерживая меня за талию и смотрел на меня замутненными темно-синими глазами.

– Любимая...

Кажется, вот так ощущается счастье, когда тебе легко, хочется летать, а не ходить, дышится свободно, а кровь по венам бежит быстрее и от этого мурашки по всему телу.

С другой стороны, у меня не состыковка – мужчина подо

мною пышет жаром и в отличие от меня, он не удовлетворён, так и пожирает меня взглядом.

Послала к черту все сомнения и прильнула к его губам.

– Марок – сир...

Блин! Как в плохой мелодраме, на самом интересном моменте!

Марок подавил разочарованный вздох и резко прижал меня к себе, пряча от посторонних глаз мою наготу. Я положила голову на его плечо и чуть скосила глаза – Ламинонок стоял каменным изваянием и его ничего не смущало. Беспардонный тип! Даже становиться интересно, он, что специально выбирает такие моменты?

– Говори, что тебе? – голос моего мужчины был сиплым как после простуды, но настолько сексуальным, что меня дрожь взяла. Он почувствовал, мельком посмотрел на меня, стиснул зубы и прижал сильнее. Я про себя улыбнулась, чертовски приятно ощущать хоть какую-то власть над тем, кто полностью владеет твоей душой.

– Беда, Марок-сир, Ивлина сбежала.

Марок резко выдохнул, я почувствовала, как его тело напряглось и с беспокойством посмотрела в его глаза. Синий цвет пропал, вернулся обычный карий, а лицо превратилось в каменную маску.

– Догнать и привести ко мне, – глухо приказал он. Ламинонок поклонился и быстро скрылся с глаз. Я выбралась из его объятий и не спеша начала застегивать блузку.

– Кто такая Ивлина?

– Рабыня.

Он явно не был расположен к разговору. Коготок ревности медленно, но верно превращался в хищный коготь. Нет, Артёмьева, ты самая настоящая дура! Ну, ведь знала, что он не был одиноким, почему же решила, что все его бабы разом исчезнут, стоит тебе появиться в его жизни? Да и кто сказал, что эта самая Ивлина его любовница? Хотя интуиция подсказывала, что, если бы сбежала просто рабыня, он бы так не переживал.

– Эва, извини, я должен узнать, как расположились гости.

Совсем забыла, что мы не одни. Вздохнула, пригладила сбившиеся волосы, нацепила официальную улыбку и грациозно поднялась с дивана.

– Покажи мне мою комнату и скажи, где я могу найти Сержа? – тон получился с прохладцей, но оно и к лучшему.

Марок, наконец, посмотрел мне прямо в глаза и серьезно сказал:

– Не надо так со мной, Эва. Не играй со мной.

– Да неужто? – едкие слова сами сорвались с губ, и чтобы не наговорить еще глупостей я прикусила губу.

– Не понимаешь насколько все серьезно? – он резко пригнул меня к себе, – Завтра, Эва, я докажу тебе обратное.

Марок отпустил меня, развернулся и через несколько секунд я услышала, как хлопнула входная дверь. Мужчины! Я аж ногой топнула от возмущения. Слева от меня раздалось

шипение, я обернулась и увидела Рикосу.

– Ну, хоть ты меня понимаешь? – сказала я ей на изибнисцком, не особо надеясь, что она меня поймет. Рикоса опять зашипела, обошла меня кругом и облизнула мордочку.

– Так, комнату мне мою не показали, пошли искать Сержа, – вслух проговорила я ей, она все также на меня смотрела, сообразила, что машинально перешла на свой родной русский, повторила все на изибнисцком и добавила, – Серж это тот, кто от тебя бегал.

Рикоса развернулась на сто восемьдесят градусов и шустро на своих коротких лапках побежала к лестнице, что вела на второй этаж, мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Я следила за маленьким животным и почти не видела обстановку, а когда она подвела меня к двери, где слышался голос моего босса, я окончательно уверилась, что животное разумное.

– Спасибо тебе, – проговорила я на изибнисцком, – Не знаю, чем тебя кормят, но обязательно узнаю. Рикоса облизнулась вполне плотоядно и исчезла в недрах дома. Я постучалась, дождалась, пока Серж откликнется и только потом зашла.

– Ой!

Замерла я у самой двери, раскрыв рот от изумления. Серж вальяжно сидел в кресле, по пояс обнаженный, а над ним нависала девушка с синими волосами и порхала по его плечам

бледными пальчиками.

– Здрав-те! – заикаясь, поздоровалась я с ней. Девушка мило улыбнулась, от чего на ее щеках появились ямочки, и поздоровалась.

– А ты зря времени не терял, – растеряно пробормотала я и снова кинула взгляд на девушку. Она чего-то испугалась, отошла от Сержа и расстроено пробормотала:

– Госпожа, только не сердитесь, Марок – сир попросил развлечь своего гостя. Я просто делала массаж. Простите, я не знала, что господин женат.

– Господин не женат, – весело проговорила я, смотря то на растерянную девушку, то на сверх довольного шефа. Вот гад, даже слова не произнес, чтобы ее успокоить.

– И не зови меня госпожой, просто – Эва.

– Нет, нам нельзя, – запротестовала девушка, – Хозяин не разрешает...

Вот, блин, добрый барин! Запугал девчонку.

– Я с господином Слоши поговорю сама. А меня иначе как Эва не зови, ясно?

Девушка кивнула и собиралась уже уйти, но я ее остановила.

– А тебя как зовут?

– Олеска.

– Ой, это как наша Олеся прямо! – восхитилась я.

Девушка снова испуганно на меня посмотрела и поспешила ретироваться из комнаты Сержа.

Ну, Марок, барин, чтоб тебя черти слопали, совсем девчонку запугал! Это так у него рабы всем довольны?

– Чувствую я, сейчас грянет буря, – подавляя смех, произнес Серж.

– Грянет, – подтвердила я, – Ещё как грянет! А ты тоже хорош: вместо того, чтобы отказаться от ее услуг, растёкся тут лужей и морда довольная!

– А что такого? – обиделся мой шеф, – Откуда я знал, вдруг, если откажусь, она обидится?

Тоже верно, я тяжело вздохнула. Господи, как на Земле все просто и понятно, а здесь...

– Ты что-то там про выступления говорил, – перешла я на другую тему, – Когда они планируются?

– Скоро, – ответил Серж, ухмыляясь, а я фыркнула. Этот гад знал точное время, я в этом просто уверена, но отчего-то мне не говорил.

– Не фырчи, а то ты мне лошадь напоминаешь, – сделал мне замечание шеф. Я возмущенно ахнула, схватила первое, что попало под руку, что на проверку оказалось его рубашкой и треснула его со всей силой. Серж заржал, прямо как та самая пресловутая лошадь и начал бегать от меня по всей комнате, ловко изворачиваясь, я, само собой – за ним. Именно за этим занятием меня и застукал Марок. Не успела я прикинуть в уме, насколько эта картина выглядит интимной, как столкнулась со взглядом жутко позеленевших глаз.

Начинается... Картинка та еще: я вся запыхавшаяся, в ру-

ках рубашка оголенного по пояс Сержа, который даже не подумал стереть наглую ухмылку со своего лица. Спрашивается, чем мы тут занимаемся? А вот ответить на этот вопрос можно по-всякому.

– Госпожа Артёмьева, я не показал вам вашу комнату, позвольте исправить свою ошибку, – ледяной тон Марока не предвещал ничего хорошего. Он поклонился мне и жестом указал на дверь, не оставалось ничего иного, как выйти. В свою комнату я шла как под конвоем, по крайней мере ощущение было именно таким. Начала потихоньку злиться. Сволочь барская! Видите ли, он может крутить шашни с рабынями, а я даже с другом не могу подурачиться! Когда дошли до комнаты, я достигла нужной кондиции и поэтому, проорав ему: «Спасибо!», захлопнула дверь прямо перед его носом.

Не учла я одного – дверь не закрывается с моей стороны. Поэтому, когда она шарахнула со всей силы об стенку, я даже подпрыгнула. Марок влетел разъяренный, а я сделала себе наказ не смотреть в его глаза, а то, если честно, становилось страшно.

– Что ты себе позволяешь?! – закричал он на меня, – Я тебе не мальчик у тебя на услужении! Знай, с кем разговариваешь!

– Ой, извините ваше мега величество, а то я как-то сразу не сообразила, поинтересоваться у вас, можно ли мне общаться с друзьями и испытывать хоть какие-то чувства! Мне

просто нет прощения!

– Общаться с друзьями!?! – похоже, из всей тирады он услышал только одну фразу, – Находиться с полуголым мужиком в комнате – это, по-твоему, общаться с друзьями?

– Иди к черту! Я не собираюсь оправдываться! И если уж на то пошло, то я все ещё свободная женщина!

Марок как-то сразу сник, и глаза его потухли. Я же упивалась выигранным спором.

– Эва, что ж ты со мной делаешь, – он на мгновение закрыл глаза, – С тех пор как тебя увидел, дня не могу прожить, чтобы не думать о тебе. Неужели ты не видишь, что моя ревность убивает меня самого? А ты... ты действительно свободная и я не могу тебе что-то запретить, – он открыл глаза, – Но очень хочу, чтобы ты принадлежала только мне.

Его ответ сбил с меня всю боевую спесь. Как можно быть одновременно таким диктатором и таким необыкновенно нежным и откровенным?

– Знаешь, – уже спокойно сказала я, – Наши отношения развиваются чересчур стремительно. Но мне это нравится. Я тоже хочу, чтобы ты принадлежал только мне.

– Ты сомневаешься во мне?

– Ивлина, – произнесла я имя рабыни, занимавшее мои мысли, – Кто она, какое место в твоей жизни она занимает?

Марок улыбнулся, но как-то горько, нежно взял меня за руку и потянул за собой.

– Пойдем, ты получишь ответы на все твои вопросы.

Передо мной стояла девушка – еще не сформировавшийся подросток, которому от силы можно было дать лет четырнадцать, не больше. С синими, как у всех изибнисцев волосами и абсолютно голубыми глазами. Контраст был нереальным.

– Познакомься, Эва, это Ивлина – моя дочь.

В последнее время моя жизнь щедра на сюрпризы. Вот и сейчас не жизнь, а какая-то мелодрама ходячая. Девушка подняла на меня глаза и окинула меня презрительным взглядом, впрочем, не только меня, но и своего отца.

– Твоя новая игрушка? – раздался мелодичный голосок, реплика, судя по всему, была сказана в мой адрес.

– Ивлина! – загремел Марок.

– Я все равно сбегу! – закричала она и ринулась вон из дома. Марок дал команду двоим изибнисцам, которые ее поймали и вернули, и те устремились за ней.

– Твоя дочь – рабыня?

Марок скривился, словно от зубной боли и кивнул. А потом его будто прорвало, и он начал говорить, не умолкая:

– Это кошмар, для меня, для нее, для всей нашей семьи. Я был молодым и несдержанным, увлекся рабыней отца, та забеременела и родила. Обычно наше сословие не допускает подобного, но я был слишком молод и не думал о последствиях. Два года назад я выкупил собственную дочь у своего отца, она ненавидит меня, и я ее не виню. Ее мать сделала

все, чтобы внушить ей, что она не просто рабыня, что может быть свободной и уважаемой, но год проходил за годом и ничего не менялось.

– Почему не освободишь ее?

– Я пытался, Совет запретил. По закону, если рождаются такие дети, они не могут быть свободными, пока не родиться законный наследник.

– Это какой-то бредовый закон! – воскликнула я, не выдержав.

Марок кивнул, выглядел он таким несчастным, что я, не раздумывая, что делаю, обняла его.

– Факт остается фактом, моя революционерка, – он улыбнулся, – Пока я не женюсь, не обзаведусь наследником, она не может быть свободной, а значит, будет меня ненавидеть.

Я тихо вздохнула, продолжая его обнимать и делать про себя выводы: да, что ни говори первая любовь пришла ко мне поздновато, но лучше поздно, чем никогда?

– Марок – сир...

Да, твою же мать! Ламинонок! Чтоб тебя черти слопали! Или кто у вас там?

Естественно, мой любимый мужчина тут же расцепил объятия и обернулся к начальнику охраны.

– Марок – сир, – повторил Ламинонок, – Приехала делегация из Совета. Они хотят видеть женщину.

Я недоуменно уставилась на Ламинока: однако ж, быстро

у них власти реагируют. Или это зависит от того, кто к ним прилетает? Решила не заморачиваться по этому поводу.

– Я пойду, предупрежу Сержа, – сказал мне Марок и быстро удалился, оставив меня наедине с кровожадным начальником охраны.

– Вот мне интересно, – решила съехидничать я, – А если бы твой хозяин со мной в более интимной обстановке находился, ты бы так же бесцеремонно вошел?

Ламинак потемнел лицом и с минуту молча сверлил меня глазами, а я мило улыбалась. Однако, услышав его ответ, моя улыбка сошла на нет.

– Я прекрасно вижу, что хозяин относится к вам серьезно. И если он решит жениться на вас, поверьте мне, госпожа Артёмьева, я прослежу за каждой мелочью. И я очень надеюсь, что мне удастся найти пятно в вашей биографии, что сделает невозможным женитьбу Марока-сира на вас.

Господи, за что он так меня ненавидит?

– Зря злорадствуешь и радуешься, моя биография безупречна, я чиста и невинна, как ребенок в момент рождения.

Эх, кто бы знал, с каким удовольствием я это сказала. Он даже побледнел еще больше.

– Это значит, что у вас нет опыта к замужней жизни? – спросил он.

– Ну, ты завернул! Вот как раз как вести себя в браке я знаю отлично, не маленькая.

Ламинак как-то криво ухмыльнулся, поклонился мне

и ушел. Слава Богу, унесла нелегкая! Парадокс, но мне до сих пор не показали комнату за всеми этими событиями, и мне ничего не оставалось, как спуститься в гостиную, в чем и была – в свободной прямой юбке коричневого цвета и блузке в тон.

Марок уже стоял там, высокий, статный. Заложив руки за спину, он о чем-то беседовал с тремя пожилыми изибнисцами, в одном из которых я признала недавнего знакомого, который разговаривал с Мароком в той капсуле, что перемещала нас по городу со станции – тринке. Когда я спустилась и тихо встала возле Марока, трое старцев замолкли и перевели на меня взгляд. Я, нисколько не смутившись, чему я обязана своей профессии, поклонилась им, как заправский изибнисец, а потом выдала им свою самую лучшую улыбку. Заговорили они на изибнисцком разом, к чему я уже начала привыкать, и даже из их монотонного говора понимала больше, чем раньше. Общий смысл их фраз был один – добро пожаловать на Изибнис.

– А где Серж? – тихонечко осведомилась я у Марока, тот лишь пожал плечами, из чего следовало только одно – Сержа он не нашел.

Изибнисцы, тем временем, продолжали свои приветствия, уж чересчур длинные, но сейчас это было только на руку. Я огляделась по сторонам и увидела, что откуда-то, вероятнее всего из кухни, выходит Олеска. То, что надо! Я извинилась

перед изибнисцами и быстрым шагом подошла к ней.

– Здравствуй, еще раз! – улыбнулась ей, – Не могла бы ты сходить за Сержем и передать, что его тут ждут?

Олеска остолбенела, руки ее мелко задрожали и, не глядя на меня, она кивнула и убежала наверх. Все еще удивляясь странной реакции девушки на мою просьбу, я обратила внимание на нехорошую тишину, стоящую в комнате, и обернулась к Совету.

Те смотрели на меня широко раскрытыми глазами, будто только что увидели, а на лице Марока я прочла почти что панику. И что я на этот раз натворила? Уже не удивляясь ничему, спокойно подошла к хозяину дома. Молчание начало напрягать, и я уж было решила снова открыть рот, на свой страх и риск, как Марок заговорил:

– Эва, ты не должна так обращаться с рабыней, – он говорил тихо и ласково, я посмотрела в его глаза и отчетливо прочла там тревогу.

– Как? – только выдохнула я.

– Как с равной. Это оскорбляет других. Пойми, она просто рабыня, ей нужно было только приказать.

Я сосчитала до пяти, медленно, чтобы не взорваться и прямо здесь не послать их варварские правила поведения подальше.

– Я не знала, – выговорила я четко по изибнисцки и трое старцев заметно оттаяли и продолжили разговор. В это время Серж присоединился к нам, сверкая обаятельной улыб-

кой, также поклонился изибнисцам и, почти на правильном изибнисцком, завел речь на пять минут. Я с удивлением слушала. Как оказалось после, Серж не просто задержался, а где-то откопал приветствие, что сейчас и демонстрировал. Нет, все-таки мне нужно у него поучиться, это ведь надо, почти ни одного ляпа за весь наш долгий путь и пребывание на этой планете! Я же просто блистала невежеством!

Марок поклонился, взял меня за руку и увел наверх. Понятно, значит, сейчас они с Сержем будут договариваться о моем выступлении, и мне уже там делать нечего.

Когда мы очутились в его комнате, он резко обнял меня и прижал со всей силой.

– Ты не представляешь, как я за тебя испугался, – раздался его хриплый голос, – Тем, что ты так мило обратилась к Олеске, ты нанесла сильное оскорбление Совету. Почти что плюнула им в лицо. Заговорить с рабом, как с равным в присутствии высших, значит заведомо оскорбить, причислив их и себя к тем же рабам. Наказание за это строгое. А Совет – это не просто высшая каста, это Мудрейшие.

Я стояла, ни жива, ни мертва. Вот это я попала! Вернее, чуть не попала, так как Совет закрыл глаза на инцидент, только потому, что я землянка. И вот теперь я четко поняла, что не сделаю больше и шага пока не узнаю, как общаться с Мудрейшими, да и вообще о запретах на Изибнисе. Иначе за три года. ... Кстати, а что было бы?

– Марок, а меня что, могли посадить в тюрьму?

Он на минуту оторвался от меня, чтобы заглянуть в глаза, потом вздохнул как-то обреченно и снова меня обнял. Уж не знаю, кого он больше хотел этим успокоить меня или себя.

– У нас нет тюрем. Наши законы таковы, что не позволяют содержать преступников. Они автоматически становятся изгоями. Конечно, и в этом есть огромный минус, тех, кого изгоняют с планеты, становятся мародерами и пиратами, перелетая с планеты на планету. Наши союзники их не принимают, враги же наоборот, встречают с распростертыми объятьями.

– Если пират прилетает на планету ваших союзников, как они узнают, что он именно враг, а не обычный гражданин? – не поняла я.

– База данных. Все передается через нее. Пираты, конечно, не бездействуют, от этого часто случаются виртуальные атаки на базу данных.

– А что будет, если вы поймаете уже изгнанного?

– Смерть.

Я, кажется, окаменела, нет, ну точно средневековые какое-то!

– У вас всё не так, – Марок успокаивающе погладил меня по волосам.

– У нас жизнь ценится гораздо больше, чем здесь, – буркнула я ему в плечо.

– Оно и видно, – ответил Марок, явно улыбаясь, – Насе-

ление Земли в три раза больше, чем население Изибниса.

Я замолчала. Вопросов было слишком много, чтобы немедленно получить на них ответы. Поэтому просто предпочла стоять и вдыхать запах его одежды, пахнувший чем-то мне незнакомым, но от этого не кажущийся мне неприятным.

– Эва, милая, я так мало уделяю тебе внимания, что даже не сказал, как называется мой родной город, – вдруг произнес Марок.

Могла и сама спросить, – тоскливо подумала я. Нет, я все-таки непутевая.

– Астроланикаскас, – медленно произнес он, а мне потребовалось не меньше минуты, чтобы правильно выговорить заковыристое слово.

– И у вас все города так сложно называются? – подозрительно спросила я, тем временем пытаюсь вспомнить хоть что-то из школьной программы. Марок засмеялся, запустил одну руку мне в волосы и начал медленно их поглаживать. Я только что не заурчала, как кошка.

– Ты еще имена наших богов не слышала, – ответил он.

Я оторвала голову от его плеча и посмотрела ему в лицо.

– У вас есть боги? – не поверила я.

– Обижаешь, – протянул он, – Самые настоящие, а не те, которых вы выдумываете.

С выдумыванием я бы поспорила, но в другой раз, сейчас меня раздирало чисто женское любопытство.

– И как же их зовут?

– Их трое. Усен-Бог, Бог Ган и Триног. Усен-Бог дающий жизнь нашему народу, Бог Ган защищает от войн, распрей и междоусобиц. Триног приходит к смертному одру и уводит нас в Мертвую Рощу.

– А как же богиня возрождения? – вспомнила я его слова, когда мы только прилетели к его дому.

– Она мать всех трех Богов. Ее имя держится в секрете и доступно только ее шаманам и роженицам.

Я была под впечатлением. Как таковое понятие Бог, у нас уже давно имело что-то сродни легендам. Кто кому поклонялся, и когда было неясно, информация частично утеряна и только единицы из всего населения Земли были осведомлены гораздо больше обычного человека третьего тысячелетия. Я же, как и многие другие, употребляла это слово больше для связки слов, как обозначающее что-то высшее, сильное, нечто большее, чем человечество.

– А Мудрейшие общаются с Богами?

– Очень редко. В особых случаях и это целый ритуал. Например, когда выбираются Правители.

О Правителях, я что-то смутно помнила, но только то, что они есть, и именно с их подачи два века назад началась война с Землей.

– Расскажи мне о них.

– Каждые девять лет выбираются два Правителя, на время войны и мирное время. На мирное время всегда избирает-

ся опытный и старший мужчина из касты высших, отличившийся какими-то поступками, которые изменили в лучшую сторону жизнь Изибниса. На военное время – храбрый, отличившийся в сражениях воин. Решения они принимают вместе, но в большинстве, Правитель Войны никогда не будет мешать решениям Правителя Мира. Каждый правит в свое время, занимается своим делом.

Я продолжала стоять и обнимать Марока, чувствуя себя умиротворенно в его объятьях. Но стоило мне подумать о том, что он мне только что рассказал, как умиротворению наступил конец. Куда я попала? Смогу ли я выжить в этом мире, даже при условии того, что со мной рядом будет любимый мужчина?

– Как думаешь, они договорятся? – спросила я Марока, подумав о Серже и Совете.

– Договорятся, – тихо ответил он, – Я создал все условия для этого, чтобы обе стороны остались довольны. А ты, Эва, ты довольна?

Последний вопрос он задал так, что сразу становилось понятно, что к танцам это не имеет никакого отношения. Он прижимал меня все сильнее и, тем не менее, нежно и бережно. Я же, как обычно, растеклась лужей. Этот невероятный мужчина на меня влияет, как глоток воды в жаркий день – всё сразу становится мило и хочется жить дальше. На этот раз я взяла инициативу в свои руки, подтянулась на носочках и медленно коснулась его губ. За этим последовал его нетер-

пеливый стон, и он приподнял меня за талию. Если сейчас зайдет Ламинок, клянусь, я его убью. Я потянула его на себя, и мы оба повалились на пол, но, по-моему, он этого даже не заметил. Расстегнув ему рубашку свободного покроя, я ласково положила руки на его мощную грудь. О, да, там было на что посмотреть! И я была просто уверена, что дальше меня ожидает не менее впечатляющее зрелище. Нежно, едва касаясь, мои руки начали порхать по его телу, исследуя его спину, торс. И чем больше я прикасалась, тем больше мне это нравилось. Никогда не думала, что можно завестись только от прикосновения к мужскому телу. Марок резко выдохнул, обжигая жаром, и прикоснулся к лицу руками. От выражения его лица меня просто затрясло, и в сердце проникла нежность к этому мужчине, который смотрел на меня потерянным взглядом, в котором помимо неистового желания читалась любовь. Это именно то, что мне было нужно, чтобы не раздумывать больше ни секунды. Плевать на Джеймса, на свою давнюю мечту, плевать на то, что все слишком сложно. Я хочу Марока до дрожи в коленях и мурашек на затылке и кажется, я действительно влюблена. Я сама сняла с себя блузку, освобождая путь его губам, которые немедленно этим воспользовались. И меня накрыло с головой, я уже не знала, где нахожусь и почему, имело значение только его губы и руки, которые опытно играли с моим телом. Юбку с меня он снял сам. Хотя, снял – это слишком громко сказано, почти сорвал и отбросил в сторону. Я снова

потянула его на себя, чтобы быть еще ближе, слиться с ним, чтобы никогда не быть одной половинкой целого.

– Я тяжелый, Эва, – хрипло прошептал он, но даже эти слова привели меня в восторг, как только я представила, что именно его тяжесть наполнит меня до краев.

– Марок, любимый, я так хочу тебя, – простонала я.

Он вздрогнул и посмотрел на меня так, будто впервые увидел. А потом резко отстранился.

– Прости, Эва.

Чего-о? Прости? Я лежу на полу, готовая на все. А он мне говорит «прости»? Мысли роем пчел проносились у меня в голове, пока я пыталась прочесть ответ на его лице. Но ясно было только одно – такой униженной я не ощущала себя никогда. Слова не шли на язык, и мне начало казаться, что желание заговорить вернется ко мне не скоро. Но я сделала над собой усилие.

– Извини, я думала это взаимно.

Я уже начала подниматься с пола, как он сгреб меня в охапку и зарылся лицом в мои волосы.

– Это взаимно, – пробормотал он.

Всё, мой мозг отключен, вне зоны действия, потому что я ничего не понимаю. Он не девственник, он меня хочет, я только что дала ему зеленый свет, но ничего не происходит. Похоже, он такой же сложный, как и его планета в целом.

– Отпусти, – сказала я сердито.

– Нет, ты обиделась.

– Конечно, я обиделась, – от возмущения я даже задохнулась, – Ты меня оттолкнул и всё же твердишь, что всё взаимно. И если ты мне сейчас скажешь, что этим ты нарушишь какой-то свой закон, я тебя укушу. И очень больно!

Мне послышалось, или только что был сдавленный смех?

– Эва, я хочу тебя. Ты даже не представляешь, насколько ты привлекательна для меня. Но ты сама твердила, что ни за что не будешь моей наложницей.

– И что ты предлагаешь? – все еще сердито спросила я.

– Выход только один, – он внимательно заглянул мне в глаза, – Ни мои изибнисцы, ни кто-либо другой больше не посмеет даже посмотреть на тебя неуважительно. Выйдешь за меня?

Я открыла рот и потеряла дар речи. Так непосредственно мне предложение ещё не делали.

– Если это для того, чтобы не запятнать мою репутацию, то нет уж, увольте, – наконец-то произнесла я.

Он покачал головой, нежно мне улыбаясь.

– Маленькая моя, гордая революционерка, с тех пор как я увидел ту запись, когда выбирал танцовщицу, я перестал нормально спать, есть и даже дышать. Неужели ты думаешь, что я после этого отпущу тебя? Ни о какой репутации речи не идет. Это только предлог. Я не знаю, что есть в тебе такого, что взорвало мой мозг и мое сердце, но могу тебе сказать, что это убийственная смесь.

Я молчала долго, просто вглядывалась в его еще синие глаза на бледном лице и, внезапно, поняла, что просто не могу сказать нет. Язык не повернется. И я прекрасно понимала, что будет много проблем и объяснений с родственниками, но потерять этого мужчину уже не могла. Глаза Марока потухли, по всей видимости, он решил, что мое молчание не что иное, как отказ. Он отпустил меня, поднялся с пола, попутно привел свою одежду в порядок, и уже было повернулся, чтобы уйти, как я ответила:

– Да.

Он что-то проговорил по изибнисцки, так быстро, что я не поняла, зато по его лицу можно было понять все, что он чувствует. Вот так просто, за несколько дней, я перевернула свою судьбу с ног на голову, но похоже мне это нравилось.

Марок взял меня за руку, помог мне подняться и привести себя в порядок, после чего вывел из комнаты, я еле успевала идти за ним, он почти бежал, не произнося ни слова, и только когда мы спустились вниз, я поняла зачем. Совет Мудрейших покидал дом и нужно было попрощаться. Но Марок неожиданно остановил их.

– Я хотел объявить вам о моём предстоящем свадебном обряде, Мудрейшие.

– Имя твоей избранницы? – спросил один из них.

– Моя избранница – госпожа Эва, – ответил он и подтолкнул меня чуть вперед. Я уставилась на изибнисцев во все гла-

за, ожидая их реакции. Думали они минут пять, не меньше.

– Марок, ты готов ко всем последствиям, что повлечет за собой твоё решение?

Марок криво ухмыльнулся и кивнул. О каких последствиях они говорят? Я уже хотела спросить, но неожиданно один из Мудрейших кивнул и заговорил:

– Тогда мы больше не видим препятствий, землянка не рабыня, ведь так?

Марок кивнул, мне же захотелось высказать по этому поводу всё, что я думаю. Нет, как этот народ печется о своем происхождении! Одно я поняла точно, феодальная система мне не нравилась все больше и больше.

Глазами поискала шефа и увидела его с открытым ртом. Серж увидел, что я обратила на него внимание и начал мне делать какие-то знаки, по мне так он махал руками как мельница и смысла в этом я не видела.

– Вам нужно принести жертву Богам, – начал говорить один из Мудрейших, но не досказал, так как в залу зашел Ламинок и все разом замолчали. Он низко поклонился Совету и, подойдя к ним на почтительное расстояние, склонил голову и заговорил:

– Мудрейшие, прошу простить мне мою дерзость, но я заговорил с вами, только для блага своего хозяина.

Сейчас точно гадость какую-нибудь скажет!

– Говори, – кивнули они, и он залился соловьем.

– Обряд невозможен, Марок-сир не знает, что его избран-

ница не готова к созданию семьи. Боги разгневаются и нашьют несчастье на весь его род.

Что за чушь он несет? Марок побледнел, глядя на своего начальника охраны, а глаза загорелись недобрым огоньком.

– Что ты хочешь сказать?

– Вы можете наказать меня, хозяин, но, к сожалению, Эва – девственница.

Мудрейшие охнули, а Марок даже пошатнулся. Я же пребывала в полном непонимании. Да, я девственница и что? Разве это являет за собой неподготовленность к семейной жизни? Посмотрела на Сержа, ожидая от него поддержки, но тот только головой покачал и закрыл лицо руками. Идиотизм какой-то!

– В обряде отказано, – произнес один из Совета и они, не прощаясь, ушли.

Я стояла, как громом пораженная. Ламинак усердно изображал грусть на лице, а вот Марок смотрел на него с плохо скрываемой ненавистью.

– Простите, Марок-сир, но...

– Пошел вон! – рявкнул Марок так, что я подпрыгнула.

– Марок, что происходит? – тихо спросила я.

Он тяжело вздохнул и закрыл глаза, руки сжались в кулаки.

– Откуда он это узнал, Эва? Ламинак не посмел бы говорить о том, в чем не был бы уверен на сто процентов.

– Да в чем дело?! – запаниковала я, – Почему все так реак-

гируют на простую физиологию, как будто я урод какой-то!?

– Эва, я пытался тебе сказать, – вдруг произнес Серж, – Если бы знал, что так все далеко пойдет! Изибнисцкая раса давно живет по таким законам. Согласно древним изибнисцким обычаям, девочек сначала готовят к семейной жизни, месяц они проводят в специализированном пансионе, где учатся вести хозяйство, общению с мужем и родственниками, в последний день в пансионе девушек лишают девственности, замуж они должны выходить без девственной плевы и с познанием в...

Серж замолчал, но мне и не нужно было, чтобы он продолжал, все и так понятно.

– Дикость какая! Почему Совет должен решать такие вещи?

– Потому что я тоже вхожу в этот Совет, Эва! – крикнул Марок и схватился за голову руками, – В этом случае он имеет право вмешаться. Я знал, что ты невинна, видел это, у меня достаточно опыта. Но мне было все равно, Эва. Я люблю тебя, мы бы просто скрыли это, но теперь... Я не исключаю, что и Ламинок тоже видел, но, чтобы говорить это Мудрейшим нужно обладать доказательствами... – он посмотрел на меня и тут же потрясенно закрыл глаза, – Если только ты сама ему не сказала...

Я тяжело вздохнула и вспомнила ликующую ухмылку на лице Ламинока, когда сообщила ему о своей невинности. Если бы я знала...

Кажется, именно в этот момент мое терпение лопнуло. Всё, с меня хватит! Мало того, что я ничего не понимаю, так моим непониманием успешно пользуется Ламинок. Да и Марок тоже хорош!

– Почему ты мне раньше не сказал, не объяснил? – накинулась я на него.

Он поднял на меня свои глаза и остальные слова застряли в горле. Во взгляде любовь и обреченность.

– Прости, Эва.

– Нет! Не смей прощаться со мной! – закричала я, понимая, о чём он думает, – Ведь должен же быть выход? Ты не можешь жениться на девственнице? Это не проблема! Сейчас же мы пойдем и...

– Эванжелина, – грустный голос шефа заставил меня обернуться, – Он не может этого сделать. Девушек лишают невинности не их предполагаемые мужья, к сожалению, это закон, а специально обученные мужчины, у них даже это отдельная профессия. В общем, если вы ребята хотите пожениться, то...

– Да на фига мне нужна такая свадьба! – вспыхнула я, – Обойдусь без этого. Придется пересмотреть свои позиции по отношению к наложницам.

– Нет, Эва! – вскинулся Марок, – Я не хочу, чтобы ты была моей наложницей, здесь тоже не все просто. Если ты решишься на это, у тебя будет всего лишь год. Потом Совет тебя отошлет обратно на Землю, я же не смогу даже видеть-

ся с тобой. Все это делается для того, чтобы высший не смог привязаться к женщине, чтобы женщина не заняла место, предназначенное жене.

Резко отвернувшись от меня, Марок в ярости сжал кулаки.

– Если бы только Боги знали, какой дикостью видится мне это древнейший обычай! – продолжил он, – В этом случае, я мыслю, как и вы люди, этим я отличаюсь от обычных изибнисцев. По обычаю нашей расы, жена должна уметь преподать себя в обществе, поддержать беседу и быть искусной в занятиях любовью. Всему этому, девочек начинают обучать в 16 лет. Но я не понимаю этот обычай, считаю, что девушка вольна выбирать сама, с кем становится женщиной. Отказываюсь понимать.

– Скажи, у низшей касты так же? – только глухо спросила я.

– Нет. Я не хочу потерять тебя, Эва.

– Что ты предлагаешь? – усталости моей не было границ. Дурацкая планета, идиотские законы! Единственный мужчина, которого я полюбила, для меня почти недоступен. Сюжет для слезливой мелодрамы. Но не с моим характером.

– Да ничего я не предлагаю! Проклятый Ламинок! – Марок пнул рядом стоящий пуфик так, что тот отлетел на несколько метров, – Впервые я не знаю, что мне делать. Не могу же я отдать тебя собственными руками другому мужчине! – последние слова он практически прорычал.

Так, понятно, пока мужчины будут заняты своими собственническими инстинктами, проблеме придется решать мне.

– Это должен сделать специально обученный изибни-сец? – решительно спросила я, – Или же я могу решать, кто будет моим первым?

Марок аж зубами заскрежетал, но все-таки ответил:

– Ты можешь выбирать, так как ты землянка. У наших женщин такой свободы нет.

Вот совершенно не удивительно, почему их женщины коварны и мстительны, как говорил Марок. Если бы мне расписали так жизнь, я бы еще не такой стала. Я развернулась и пошла к лестнице. Решение пришло само – раз я могу выбирать, то я выберу единственного, от которого меня хотя бы не затошнит. Джеймс Дарин, мачо и сердцеяд, моя давняя мечта, которая перестала быть ею, как только я встретила Марока.

– Эва!

Марок подбежал ко мне и схватил меня за руку. Я же выдернула ее. Не надо, солнце моё, так смотреть в мои глаза, я же не железная, увы, я хочу быть с тобой всегда, а для этого придется всего лишь на всего провести одну ночь с другим мужчиной. Нет, ничего этого я ему не сказала, просто смотрела в глаза.

Марок стиснул зубы, развернулся на одних пятках и стремительно ушел от меня, при этом дико заорав на весь дом:

– Ламинонок!

Меня уже не волновало, что он с ним сделает. Я бы и сама с ним чего-нибудь сделала, например, отрезала бы его поганный язык. Но сейчас у меня другие планы и решить мне их нужно чем быстрее, тем лучше.

– Серж, идём!

– И куда ты собралась?

– Сейчас ты меня отвезёшь к Мудрейшим, думаю, знаешь, где они заседают, – он согласно кивнул, – А потом на перелетную станцию. Я возвращаюсь на Землю.

Серж только рот открыл, как я снова заговорила.

– Я прилечу сразу же, как только смогу. Ты вернешься сюда и объяснишь все Мароку, что я не сбежала и что я не намерена отказываться от него. И еще, скажи мне, сколько у меня денег на счете?

Серж озвучил сумму, а я кивнула. Этого вполне достаточно, чтобы оплатить и перелет, и поездку на Американский Континент, а также для того, чтобы встретится с Джеймсом.

Совет Мудрейших я посетила только с одной целью – известить их о своем решении и получить заверения, что после этого препятствий к нашему браку не будет. Мудрейшие удовлетворенно кивали, когда я излагала им свой план, немного приврав, что выбранный мною объект научит меня азам мастерства любви. Покидала я их уже с полной убежденностью, что все делаю правильно.

– Эва, ты хорошо подумала? – спросил меня Серж уже на станции, мы ждали, пока мои вещи погрузят на корабль.

– Может, просто разорвем контракт и уедем?

– Не могу я без него, Серж. Знаю, звучит безумно, за несколько дней так вляпаться еще не каждый сможет. Я смогла. Понимаешь, я все эти годы думала, что любовь не что иное, как сказка. А где-то в глубине души дико завидовала своим родителям. Они ведь до сих пор любят друг друга. Марок – необыкновенный и ради него я горы сверну, понимаешь? Не трогай меня, Серж, мне и так плохо. Только боюсь, ему сейчас еще хуже.

Шеф только вздохнул. Объявили о посадке, и я поднялась по трапу. Ничего, нужно только пережить и все будет хорошо. Не бывает невыполнимых задач, бывают неприятные решения.

Почти через двое суток я была на Американском Континенте. И, Господи, как же меня это радовало! Здесь не нужно было бояться нарушить какой-нибудь закон, здесь все было свое – Земля и люди вокруг. Я связалась по проектору в гостинице с другом Сержа и по совместительству агентом одной из американских звезд – Джеком. Уже давно сделала одно заключение, агенты – это особый человеческий вид, ушлый, хитрый и умный. Попробуй без этих качеств раскрути неизвестную маленькую звездочку? Ничего не получится. Поэтому, зная все, что они делают, я восхищалась и Сержем

(не дай Бог, он об этом узнает!), и Джеком.

– Хай, Джек! – легко я перешла на американский язык, который так же, как и мой родной, русский много столетий назад стал общим языком на Земле.

– Это Эва Артемьева.

– Эвочка, – сразу же затараторил Джек, – Как хорошо, что ты позвонила. Как Серж? Как ваши дела?

Я спокойно выслушала не один десяток вопросов, кратко ответила на них и перешла к главному.

– Джек, я тут рядом с тобой, в гостинице «Полярис». Может, заедешь на чаёк или чего покрепче?

Он выразил бурный восторг и заверил, что через полчаса будет.

Американский Континент занимал одну треть земного шара. Был достаточно развит в промышленной и технической деятельности. И здесь, как нигде, любили шоу и развлечения. Поэтому на Континенте процветали клубы, театры, большие кинозалы и развлекательные центры. Его я называла – Континент больших детей. Они умели радоваться праздникам и сюрпризам, как не умели мы, русские. И именно на это качество американцев я очень рассчитывала.

Джек явил собой образец пунктуальности и прибыл ровно через полчаса, как и сказал. Высокий, смуглый, с кудрявыми русыми волосами и бородкой клинышком. Он обнял меня и расцеловал.

– Джек, у меня к тебе дело, – начала я с места в карьер.

– Эвочка, я уже в курсе, – перебил он меня, беря под руку, – Серж связался через галактический проектор и все объяснил.

Я даже вздохнула с облегчением, не придется тратить время на лишние объяснения, спасибо Сержу, все-таки переживает за меня.

– Отлично, Джек, и чем ты меня порадуешь? – оптимистично спросила я.

– Это тебе влетает в крупную, очень крупную сумму, – самодовольно изрек Джек.

– Что ваш мистер Мачо настолько дорог?

– Нет, Эва, – усмехнулся Джек, – Просто сама посуди, он ради этой встречи перекроит свое расписание, а у него съемки, интервью...

– Всё – всё, Джек, – примирительно подняла я руки, – Я поняла. Готовь контракт и выбери время, желательно самое ближайшее. Надеюсь, мистеру Дарину я придусь по вкусу.

– Ему по вкусу все красивые малышки, – циничная улыбка засияла на его лице, – Не понимаю только зачем тебе это нужно?

– Позволь не отвечать на этот вопрос, – рассмеялась я натянуто.

– О'кей.

Ещё с полчаса мы с Джеком потратили на обсуждения нюансов контракта, после чего он ушел.

На следующий день он приехал ко мне с уже готовым контрактом и новостями. Встреча состоится завтра, в восемь вечера в гостевом коттедже Джеймса. Меня это вполне устроило, и я поблагодарила Джека за быстрое решение моей проблемы. Что ни говори, а Джек молодец, устроить встречу с мировой известностью настолько быстро может только профессионал.

Нервничала ли я? Я и сама не могу сказать, но о Мароке старалась не думать. Усмехнулась про себя, всего каких-то две недели назад я мечтала только об этой встрече, только об этой ночи – на протяжении двух или трех лет. И вот я стою на пороге исполнения мечты, а мне этого совершенно не нужно. Перед глазами только Марок. Черт, так я не настроюсь на встречу! Ну, же, Артёмьева, где твой актерский талант?

Вечером следующего дня я готовилась основательно: не слишком яркий макияж, но тот, который выгодно выделял мои черты лица, узкое платье в пол кремового цвета и классические туфли на шпильках, волосы забрала в тугой узел, оставив маленькие завитки спереди. Я готова. Физически, но не морально.

Джек позвонил за полчаса до встречи и сказал, что ждёт меня в вестибюле гостиницы. По лестнице я спускалась невероятно долго, по крайней мере, старалась. Джек рассыпался в комплиментах, а я только и знала, что улыбаться. К коттеджу он повёз меня на своей личной машине. Мы

взмыли вверх и, как назло, ни одной пробки. Ровно в восемь я входила внутрь дома Джеймса, уже окончательно войдя в роль. И кто бы знал, что это будет самая трудная роль в моей жизни.

Коттедж был прост, но со вкусом обставлен. Ничего лишнего, классический стиль. Хозяин дома вышел мне навстречу сразу, с умопомрачительной улыбкой, в кремовых брюках и зеленой рубашке-разлетайке на внушительных мышцах. Честно, дух захватило. Столько раз я видела его только в фильмах и вот мечта половины населения Земли передо мной в реальности. Но ничего не ёкало и не дрожало. Джеймс подошел ко мне своей фирменной вальяжной походкой и прикоснулся к моей руке в поцелуе. Мне почему-то стало смешно. Наверное, это все-таки нервы.

– Здравствуйте, Эванжелина, – заговорил сладкий голос Американского Континента, – У вас очень редкое имя для русской.

– Родители постарались, – улыбнулась я ему. Почему-то не захотелось поправлять его, свое сокращенное имя я решила приберечь для близких.

– Как долетели? – осведомился он, ведя меня под руку в гостиную. Переигрываешь парень, о моем существовании ты узнал только вчера и вряд ли переживал, как я долетела.

– Спасибо, великолепно, – ответила я, продолжая играть по правилам, улыбка ко мне словно приклеилась.

– Я распорядился подать ужин, прошу вас, – пригласил

он меня за стол и галантно отодвинул стул. Все-таки парень молодец, играет так, будто мы уже знакомы и знаем оба, чем закончится эта ночь, никакого стеснения. Мелькнула мысль, что это не первая встреча, за которую ему заплатили баснословную сумму. После этого возникло желание спросить у него справку о состоянии здоровья...

– Что же вы молчите, Эванжелина? – глубокий голос призывал расплавиться в истоме, но мне почему-то «не плавилось».

– Если можно, то я буду только вино, я не голодна, – наконец-то произнесла я.

Джеймс налил мне вино и начал рассказывать о фильме, в котором он сейчас снимается. Меня даже увлекла его болтовня, искусство кино я любила всегда, через полчаса я окончательно расслабилась и даже приняла участие в его монологе, задавая вопросы. Вино ударило в голову, и я искренне обрадовалась этому процессу, так будет легче. Наконец-то, мистер Мачо замолчал и вперил в меня взгляд синих глаз. А я тут же вспомнила другие глаза, которые синели исключительно для меня. Так, всё, пора начинать!

Я с легкостью встала, достала из сумочки портативный музфон, включила плавную музыку и начала раздеваться в танце. Сначала полетело платье, потом я распустила волосы, и они волной спустились ниже плеч. Глаза Джеймса загорелись знакомым мне огоньком. Я призывно улыбнулась и расстегнула застежку бюстгальтера. На мне оставались

только кремовые трусики и чулки, когда он подорвался ко мне и, сжав в объятьях, прильнул в поцелуе. Господи, а я так надеялась, что не будет так противно! Зря надеялась. Может, дальше будет лучше? Глазами поискала что-нибудь мягкое в этой комнате и увидела кушетку недалеко от Джеймса. Буквально опрокинула его туда и уселась верхом. С отчаяньем прильнула к его губам сама.

Грохот я услышала все еще сидя на Джеймсе. А потом в комнату ворвался разъярённый Марок. Мне казалось, у меня глаза из орбит повылазят. При виде запыхавшегося Сержа за спиной моего мужчины у меня вообще приключился культурный шок. Меня грубо стянули с мистера Мачо и отдали в руки Сержа.

Мистер Дарин наконец-то очнулся и при виде грозного Марока заверещал как девка:

– Изибнисец!

Вот это да! Налет бесстрашного героя мигом слетел и превратился в ничто.

– Заткнись! – прошипел Марок, – Убью.

Он поднял мое платье с пола и бросил его мне.

– Оденься! – приказал он.

Я быстро натянула платье и взяла в руки сумочку. Марок, не церемонясь, схватил меня за руку и двинулся к выходу, бледный Серж – за нами. Почти на самом выходе мой мужчина обернулся и в бешенстве посмотрел на дрожащего Джеймса.

– Не вздумай посылать за нами своих людей, иначе я вернусь и убью всю твою семью.

Бедолага Джеймс закивал, все еще оставаясь в лежачем положении на кушетке.

Всю дорогу к перелетной станции он не проронил ни слова, и только когда мы зашли в его каюту, я по-настоящему испугалась. Глаза горели огнем, он вцепился в мои руки железной хваткой, наверняка синяки останутся.

– А если бы я не успел!?! – заорал он.

Я стиснула зубы, стучащие от страха, и ответила:

– И чего ты добился своей ревностью? Совет никогда не разрешит нам пожениться, а на год я не согласна!

– Совет вынужден был согласиться, слышала меня? – проорчал он и схватил меня в охапку, – Ты моя, Эва. Обряд состоится через неделю. И будь уверена, что я буду единственным мужчиной, который когда-либо тебя коснется!

От его слов я онемела и как рыба открыла рот.

– Что значит «был вынужден, согласится»? Что ты сделал Марок?

Он через силу мне улыбнулся и покачал головой.

– Это уже не важно. Важно, что теперь мы вместе.

Дверь исчезла и на пороге появился все еще бледный шеф и посмотрел на нас, будто мы совершили великое преступление.

– Марок, я же просил вас, действовать культурно, цивили-

лизованно, а не устраивать бесплатный концерт. Вы хоть понимаете, что Джеймс Дарин – мировая известность и то, что мы выбрались оттуда живыми и здоровыми, явно...

– Моя заслуга, – перебил его грозный Марок, – Этот членистоногий ещё дёшево отделался! Хотя бы прислушаться к моим словам, на это ума у него хватило.

– Серж, вини себя, – вмешалась я в спор, – Насколько я понимаю, незабываемую встречу Марока с Джеймсом устроил ты?

– Я же не знал, что он так себя поведет! Видела бы ты, что он в доме устроил, когда ты уехала! Сомневаюсь, что хоть что-то выжило в его комнате!

– Может, хватит меня обсуждать? – рявкнул Марок и Серж исчез из виду. Марок следом за ним подошел к двери, нажал какие-то кнопки и дверь закрылась. «Выход заблокирован» – металлическим голосом известил автоинформатор. Когда он обернулся ко мне, стало не по себе – суровые черты заострились, придавая лицу хищный вид, глаза то и дело меняли свой цвет с зеленого на карий и наоборот. Видно пытается успокоиться, да никак не может. Он твердым шагом подошел к шкафу возле стены, нажал кнопки, и дверцы отъехали в сторону. Перед глазами появился бар, с невероятным количеством спиртного и какой-то мутью в бутылках. Он достал бокалы, налил мне красное вино, а себе зеленоватую жидкость и подошел ко мне.

– Пей, – протянул мне бокал.

– Я не хоч...

– Выпей, Эва! – снова рявкнул, и я поспешно взяла бокал из его рук, понимая, что сейчас с ним лучше не спорить. Только после того, как я осушила свой бокал, он большими глотками выпил своё.

– Кажется, это вино вы пили с...

– Марок, не надо...

– Что не надо? – он со стуком поставил свой бокал на стол, – Ты предпочла решить все сама, вместо того, чтобы посоветоваться со мной!

Мне стало обидно, настолько обидно, что слезы навернулись от злости. Нет, вы подумайте, я тут страдаю из-за его дурацких законов, и он же ставит мне это в вину! Закусила губ со всей силы, лишь бы не разревется, но предательские слезинки уже потекли по моим щекам.

– Эва, милая...

Проморгала непрошенные слезы и наткнулась на его растерянный взгляд.

– Налей ещё! – протянула ему свой бокал, Марок без слов сделал то, о чем просила. Вот сейчас напьюсь и все ему скажу!

Выпила, поставила бокал на стол и почувствовала его нежные руки, обнимающие меня.

– Эва, неужели ты бы это сделала?

– Да. Потому что хочу быть с тобой. Потому что люблю тебя.

Он замер, а я поняла, что язык развязался. Почувствовала, что прижал еще сильнее и уткнулся лицом в мои волосы.

– Господи, почему ж все так сложно? – кажется, сказала это вслух.

Он увлек меня на кровать, сел рядом и погладил по лицу.

– Тяжело тебе со мной будет, – через какое-то время сказал он.

– Ну, мы же справимся? – все-таки я безнадежная оптимистка.

Марок улыбнулся и коснулся моих губ легким поцелуем. Не знаю, чего он там замышлял, я же задумала гораздо больше, чем поцелуй. Рывком расстегнула его рубашку и обвинила его руками, прижавшись всем телом. Его хватило ненадолго, дыхание участилось и он, не лучше, чем я, просто сорвал платье с меня и выкинул, как ненужную тряпку. Похоже, из каюты я выйду в простыне. Я потянулась к его брюкам, но руки, как назло, не хотели меня слушаться. Марок оторвался от меня на секунду, и брюки полетели в другой конец комнаты, а я замерла. Когда я фантазировала, какой он будет без одежды, я сильно преуменьшала. Очень сильно. Как под гипнозом я видела, как он медленно стягивает с меня трусики.

Фееричная сказка, по-другому то, что он делал с моим телом, назвать было нельзя. Я плавилась как воск на огне, стонала и извивалась. Когда обвинила его бедра ногами, боли совсем не почувствовала. Зато он почему-то остановился. Я

беспокойно заерзала под ним, но результат был тот же – он замер и с беспокойством вглядывался в мое лицо.

– Марок, пожалуйста! – простонала я и была вознаграждена.

Взрыв, который потряс меня через какое-то время, заставил закричать.

– Моя, – прошептал Марок.

Я лежала с совершенно счастливым выражением лица и не понимала, почему раньше я этого не сделала. Марок улыбался, глядя на меня и накрыв всем телом.

– Как бы мы не перестарались.

– О чем ты? – безмятежно спросила я.

– О ребенке.

– Чего? – от неожиданности я дернулась и чуть не упала с кровати. Он засмеялся и вовремя поймал меня.

– Я пошутил, аката, успокойся.

Я отдышалась, поправила рукой сбившиеся волосы и только потом осторожно произнесла:

– Пойми, Марок, я не против ребенка, просто слишком рано и моя карьера...

– Стоп-стоп! Эва, я не собираюсь запирать тебя в золотую клетку и обременять детьми раньше времени. Возможно, у нас женщины не обладают теми правами, которыми обладают землянки, но поверь, не все так ущербно, как ты думаешь. Ты вольна делать все, что ты захочешь, только не пре-

давай меня, Эва. – Он серьезно смотрел мне в глаза, и я поняла, что все его наложницы, не оттого, что мужчина по природе своей моногамен, а потому, что он не хотел ни к кому привязываться. Со мной рискнул.

Он обнял меня, подтянул легкую простыню и укрыл нас.

– Спи, Эва, уже поздно.

И было так хорошо ощущать тепло его тела, слышать размеренное дыхание и чувствовать, что этот мужчина и есть продолжение меня.

Утро наступило вместе с головной болью. Я никогда не увлекалась алкоголем, вчера превысила свою норму. Попыталась поднять свою голову с подушки, но мозг отчаянно запротестовал от подобной экзекуции. Понятно, похмелье на весь день мне обеспечено, и это в первый день моей жизни как женщины. Ужас! Желудок подал сигнал SOS, и я застонала. Шевельнула рукой, пытаюсь нащупать рядом со мной Марока, но того не оказалось. И кто ж спасет меня от головной боли и революции в организме? Соку бы, свежавыжатого, желудок опять свело, голова заболела сильнее, и я застонала громче. Марок появился из ниоткуда, в одних штанах и с голым торсом, волосы мокрые. Увидев меня, опустился на корточки возле постели и погладил по голове. Легче не стало, стало хуже, голова закружилась, я прижала его руку ко лбу, призывая не шевелиться. Из-под опущенных век посмотрела на него и, на мгновенье, замерла – на нем лица

не было, очень бледный, зрачки расширены.

– Тебе больно, милая? Я идиот, нужно было нежнее, – последние слова еле разобрала. Ах, вот он, о чем. Типичная ошибка другой расы, думает, я рассыплюсь. Как бы ни так. Дальше хуже, он отдернул рукой простыню, и я думала, что сейчас в обморок свалится. Не свалился.

– Боги... – пробормотал он.

Я еле оторвала голову от подушки и прохрипела:

– Марок, все в порядке. Так и должно быть, понимаешь? Мне совсем не было больно.

Он смотрел то на меня, то на кровь на простыне.

– У ваших женщин, что, не так?

Марок только головой замотал, что-то членораздельное произнести не мог.

– Успокойся, пожалуйста, – я сделала нечеловеческое усилие и подняла свое тело в вертикальное положение.

– С тобой точно все в порядке? Доктора не надо?

– Соку мне надо, много и быстро. И таблетку от головы.

Ретировался он быстро, я только диву далась. Н-да... Взрослый, умный мужик, а тут...

Вернулся через пять минут, по дороге явно кого-то чуть ли не сшиб, судя по вскрикам из коридора. Я улыбалась: как дитё, ей Богу.

Мелочиться мы не стали и притащили мне две двухлитровые упаковки сока и облатку родного анальгина. Точно у Сержа спёр. Через пять минут прискакал Серж, я только

простыней укрыться успела. Увидел мое плачевное состояние и заржал.

– Чего, Артёмьева, с похмелья помираешь? А как же твои заявления, что никогда и ни под каким видом?

– Уйди, Серж, без тебя плохо.

– Вот теперь ты меня понимаешь! – глубокомысленно изрёк он и, косясь на бледного Марока, ушел.

– Марок, – сказала я со вздохом, – Ну, не переживай ты так, всё в порядке, честно, умирать я не собираюсь.

От моих слов того вроде отпустило, и он с шумом выдохнул. Он что, всё это время не дышал, что ли?

– Хочешь, я тебя в душ отнесу? – мягко спросил он.

– Давай, – кивнула я и с готовностью обняла его за шею, когда он склонился.

Вода принесла облегчение, и кое-что ещё, когда я смотрела в синеющие глаза Марока. Выгнулась под нужным углом, выставив на обозрение свою пятую точку. Раздалось рычание, и мой мужчина ретировался. Я рассмеялась. Какие мы впечатлительные! Я это запомню. Одной в душе стало неинтересно, я быстренько обмоталась полотенцем и вернулась в каюту. Он стоял возле кровати и пытался застегнуть рубашку. Я с кошачьей грацией подобралась к нему и прильнула к спине.

– Эва, тебе же плохо... – раздался его неуверенный голос.

– Сейчас будет хорошо, – хмыкнула я, и принялась целовать его спину. Минуту спустя он обернулся ко мне ли-

цом, и я получила самый чувственный поцелуй, который когда-либо знала. Его руки переместились чуть ниже спины, я обхватила его талию ногами. Мы переместились к столу, он бережно усадил меня на него, и полотенце упало.

– Дверь, – хрипло пробормотал он мне, в перерыве между поцелуями.

– Ну и черт с ней, – ответила я.

* * *

Через час, когда мы просто лежали и болтали ни о чем, раздался стук в дверь, зашел капитан и объявил, что на пути к Изибнису встречен корабль, подававший сигнал SOS. Капитан сразу удалился и Марок встал, поправил одежду и задумчиво посмотрел на меня, потом улыбнулся.

– Думаю, тебе нужна одежда.

– Нет проблем, только я свою на Земле оставила, когда ты меня под покровом ночи тащил на корабль.

– Тогда, моя милая Эва, тебе ничего не остается, как надеть одежду изибнисцких женщин.

Круто. С каких это пор на корабле, где экипаж одни мужчины, есть женская одежда? Марок подошел к шкафчику и достал оттуда умопомрачительной красоты наряд – зеленое свободное платье в пол, с короткими рукавами и пояском-веревочкой на талии, полностью расшитое золотыми нитями; декольте ужасало своими размерами, но мне оно пришлось

впору, будто на меня шили.

– Чье платье? – ревностно спросила я, глядя на улыбающегося Марока.

– Моей матери, – просто ответил он. Ого, его мама не промах, раз носит такое яркое одеяние.

– Знаешь, хотела спросить, а твои родители не будут против невестки-землянки?

И, конечно же, кто бы сомневался, на этих словах в каюту вломился Ламинок.

– Хай, Ламчик! – отсалютовала я ему, отчего тот даже замер на секунду.

– Марок-сир, корабль, просивший о помощи, является звездолетом лоткиранцев с Плотона. На борту есть раненые.

– Что им понадобилось в нашей системе?

Но ответа на этот вопрос Марок дожидаться не стал и скорым шагом покинул каюту вместе с Ламиноком. А я задумалась.

Лоткиранцы, пресловутые мистические эльфы, как их называл с недавних пор Серж и вся Земная тусовка ЗОМКа, отличались миролюбивым характером, и не в их правилах было нападать первыми, значит, напали на них, и почему же так недалеко от Изибниса, планеты, которую почти все старались обходить стороной? Лоткиранцы были чудаковатой расой – увлекались поэзией, художественным искусством, музыкой, в общем, творческий народ. Техники своей не было, поэтому они скупали все и у всех, продавая свои ценности

и Земле, и другим планетам. Итак, я ничего не узнаю, если буду сидеть здесь. Вышла из каюты и направилась напрямиком к месту состыковки с другим кораблем.

Народу была тьма. Вся команда вышла поглазеть на спасенных и узнать, что решит Марок. Лоткиранцев было пять и все в обморочном состоянии, худые, длинные и миловидные.

– В медицинский бокс их, – скомандовал Марок, народ зашевелился, выполняя приказание босса.

– Что делать с их кораблем?

– Придется тащить его на буксире, если не смогли улететь домой, значит, корабль получил вирусное заражение. Сколько до Изибниса?

– Еще два часа, – ответил капитан и, поклонившись, удалился в рубку.

Наконец-то Марок обратил внимание на меня, но не улыбнулся, как обычно, а нахмурился.

– Эва, ситуация непонятная. Что произошло с их звездолетом – непонятно. Кто на них напал, или же они напали сами – не ясно. У меня нет другого выхода, – он тяжело вздохнул и продолжил, – Как приставить к тебе временную охрану. Вся команда уже осведомлена о нашем скором обряде, к тебе уже относятся как к хозяйке, поэтому я не могу поступить иначе.

И как же, милый мой, ты понял, что я буду не в восторге? Ладно, не в этом суть.

– И кого же? – осторожно осведомилась я.

– Ламинака.

– Здравс-те – приехали! Да, он меня первым в тыл врага сдаст! Еще и ленточкой подарочной перевяжет!

– Эва! – Марок скосился на Ламинака, стоящего позади него каменным изваянием.

– Ничего, Марок-сир, я заслужил. . . , – подал он голос.

Я чуть не поперхнулась и уставилась во все глаза на начальника охраны. Да, ладно! Быть того не может, чтобы Ламинак раскаивался. Но сколько ни пыталась взглянуть в лицо Ламинака и понять, что ж этот гаденыш на этот раз замыслил, так и не смогла.

– И насколько? – обречено вздохнула я.

– Не знаю, мне придется тащить лоткиранцев на свою планету, выяснять всё там. Не нравится мне всё это, Эва.

Вот с этим я была полностью согласна. Вроде ничего подозрительного и опасного – корабль попал в беду, и мы просто проявляем акт дружеской воли. Но я, так же, как и Марок, просто чувствовала, что всё это неспроста.

– Господин Марок, на связи ваш отец, – услышали мы сообщение капитана по внутренней связи корабля и поспешили в каюту Марока.

Отец Марока, точная копия моего мужчины в старости, нервно расхаживал на экране галовизора. Не успели мы зайти, как он, не поздоровавшись, заговорил:

– Сын, что ты себе позволяешь? Пугать Совет тем, что ты

уйдешь из него и забереешь все свои разработки – это слишком! Неужели какая-то девка настолько окрутила тебя, что ты забыл свой долг перед планетой и семьей?

Вот и ответ на мой вопрос Мароку: примут ли меня его родители. Чем дальше, тем хуже. Ну, что ж, никто не говорил, что будет легко.

– Отец! – возмутился тем временем Марок и сжал мою руку в сочувствии. Только ни его сочувствия, ни помощи мне не нужно, не родился еще тот изибнисец, что вгонит меня в депрессию.

– Простите, – вклинилась я в разговор, – Не знаю вашего имени, к сожалению, но считаю, необходимым представится – Эва Артёмьева, та самая девка, – и гордо уставилась на экран.

Отец Марока долго молчал, меняя цвет кожи с багрового на смертельно бледный, но поскольку пауза затянулась, неохотно заговорил:

– Добро пожаловать, Эва, – прозвучало это так, будто он мне всех мук пожелал. Что ж такое-то, а? Почему почти все на этой планете воспринимают меня в штыки?

– Надеюсь, вы понимаете, чем пожертвовал мой сын, согласившись провести обряд?

– Отец!

– Я его не заставляла, – с достоинством ответила я.

– Ивлик! Ты зачем пугаешь бедную девушку?! – раздался голос, рядом с отцом Марока, и появилась женщина, очень

красивая, с бледной кожей, почти черными волосами, как у Марока и миндалевидными синими глазами.

– Мама, – прошептал мне Марок и улыбнулся. Я вгляделась пристальней. Женщина отчитывала своего мужа, совершенно не стесняясь нас – я с ней подружусь однозначно!

– Здравствуйте, девушка! – прощебетала она и чуть отодвинула возмущенного мужа на задний план, – Я мама этого негодника – Рина.

– Очень приятно, я – Эва, – искренне ответила я и чуть ли не расплакалась от счастья, хотя бы она меня восприняла адекватно.

– Не слушай моего мужа, дорогая, – на эти слова Ивлик среагировал пространственным: «Что?!», Рина его ущипнула и тот затих. Кажется, я обожаю эту женщину! – Он просто не помнит себя в годы Марока – влюбленным, отчаянным.

– Я и сейчас влюблен, – все-таки вставил Ивлик, чем заслужил улыбку жены.

И тут до меня дошло, что на первый взгляд мне понравилась в этой женщине – она не изибнисец. Она – человек! Все сходится – черные волосы с синими прядями, как у Марока, но в отличие от него, у нее крашенные, синие глаза, да, кожа бледная, но глаза не меняли свой цвет и поведение выдавало в ней истинную человеческую женщину. Марок наполовину человек?

Видимо выглядела я как-то не так, потому что все трое уставились на меня в немом вопросе.

– Эва, что-то не так? – спросил Марок, а я еще раз к нему присмотрелась. Теперь был понятен цвет его волос, чистые изибнисцы рождаются только с синими волосами, глаза все-таки от отца, а насчет остального...

– Эва! – Марок меня уже затряс, и я не нашла ничего лучше, как обрушить на них свою догадку.

– Твоя мама – человек?

Рина рассмеялась и даже в ладоши захлопала.

– Я же говорила, она поймет! – Сказала она своему мужу. Лицо Ивлика, который смотрел на жену, несколько изменилось, приобретая мягкие черты, во взгляде явно читалось обожание.

Но всеобщей радости не получилось: как только я посмотрела на Марока и увидела его потемневшее лицо. Так, у нас что, комплекс неполноценности на почве разных рас родителей?

– Эва, жду тебя в гости, еще до свадебного обряда, – улыбнулась Рина и наскоро попрощалась.

– Марок! – сразу же затрясла я его. Он очнулся, посмотрел на меня осмысленным взглядом.

– Извини, Эва.

– Не расстраивайся.

Он еще раз посмотрел на меня повнимательней, вздохнул и обнял. Вот теперь хорошо.

– Почему сразу не сказал?

– В последнее время задумываюсь, – начал он, проигно-

рировав мой вопрос, – Кто будут наши дети? Люди? Изибнисцы? И где их примут? Половину своего детства я доказывал, что являюсь таким же изибнисцем, как и мой отец. Когда повзрослел – перестал.

– Думаю, если наших детей не примут ни там, ни там, мы с тобой захватим отдельную маленькую планетку и организуем свой мир, со своей расой, – ответственно заявила я, крепко прижимаясь к нему. Он захохотал.

– Моя революционерка, – нежно произнёс он.

– Я не шучу, – решила уточнить я.

– Да, я уж понял, – хмыкнул он.

– Марок-сир... – в каюту вломился, угадайте кто? Правильно, Ламинонок.

Кажется, от его голоса у меня уже начинается токсикоз.

– Один из лоткиранцев очнулся.

Мы поспешно покинули каюту и двинулись в мед. бокс. Марок от себя меня не гнал и это радовало. Только было непонятно – как я пойму язык лоткиранцев?

Марок в бокс влетел, я же юркнула за ним.

– Кто на вас напал? – начал он допрос, хмуро смотря на раненого лоткиранца. Тот выглядел неважно, если я конечно, хоть что-то в этом понимаю. Слипшиеся от пота волосы имели неопределенно грязный цвет, узкие глаза были на половину прикрыты и дышал он с трудом.

– Ваши, – тихо прошептал он по-изибнисцки. Ого!

– Пираты?

– Нет. Не знаю. Я...

– Ему тяжело говорить, если хотите вообще от него что-то услышать, сейчас лучше оставить в покое, – вмешался изибнисец небольшого росточка и чуть полноватый. Видимо, бортовой доктор.

Марок кивнул, и мы вышли из бокса.

– Ламинок! – позвал он начальника охраны, тот чуть ли не из воздуха материализовался.

– Охрану к боксу, и что бы ни один лоткиранец оттуда не вышел. Никого не впускать, кроме меня и доктора.

– Как думаешь, это пираты? – спросила я, как только Ламинок испарился.

– Если нет, то это тоже плохо.

– Почему?

– Если это пираты, значит, они ошиваются рядом с нашей планетой, и значит, готовят какую-то пакость. Если же это свободные граждане Изибниса, еще хуже. Значит, кто-то пытается развязать войну.

– С лоткиранцами? – изумилась я, – Какой смысл с ними воевать? Что с них возьмешь, кроме их произведений искусств?

– Вот именно, – ответил Марок, а я даже остановилась.

– Весь Плотон существует за счёт продажи их интеллектуального труда, – продолжил он, – Сами по себе они слабые. Если захватить эту планету и сделать их рабами, ... в общем, тот, кто это сделает, станет сам себе Правитель, со своей пла-

нетой и своими законами.

Супер! Если перевести слова Марока на человеческий язык, то получается, что я посетила Изибнис накануне войны и всеобщего разгрома.

– В любом случае, – сказал Марок, – Я выясню, кто это.

Прозвучало это угрожающе. Судя по всему, в ближайшие три года с мужем я буду общаться через проектор и глубокой ночью, так как все остальное время он будет проводить в Совете.

– Марок, все это, конечно, понятно. Но что с моими выступлениями?

– Для тебя ничего не изменится, Эва. Ты будешь заниматься любимым делом, это мое слово.

Угу, война войной, а обед по расписанию.

– Готовимся к посадке! – раздался голос капитана через информатор.

Когда мы прилетели, на Изибнисе был самый разгар дня, народу в городе как в столице. Хм, а может Астроланикаскас и есть столица? Нет, у Марока спрашивать не буду, ползаю во всемирной паутине, это-то там точно есть. Дома нас встречали вездесущая Рикоса и недовольная Ивлина. Одна стояла, упершись руками в бока и взирала на меня и Марока с неудовольствием, другая же приветливо водила хвостиком по полу. Если выбирать между змеей и дочерью Марока, то я выберу первую, все-таки она поприветливее будет.

– Отец! – провозгласила она, как только мы вошли, Марок оцепенел, из чего я поняла, что отцом она называет его редко.

– Мне нужно серьезно с тобой поговорить.

Марок кивнул, поклонился мне и было хотел уйти, но тут Ивлина посмотрела на меня, нахмурила брови и произнесла:

– Она, правда, будет твоей женой? Если это так, то можно и при ней поговорить.

Вот это да! Меня соблаговолили заметить и даже проявить снисходительность. Уж не знаю, какая она рабыня, но замашки у нее явно королевские.

– Отец, моя мать сказала, что за меня просил сын Батура. Я согласна и надеюсь, что через два года мы сможем провести обряд. Надеюсь, хотя бы в этом ты согласишься со мной?

Ну, ничего себе, ей всего-то четырнадцать, я в ее годы училась, и ни о каких замужествах и не помышляла. Все-таки, у наших рас очень разный менталитет.

– Два года большой срок, Ивлина, – ответил Марок, – Очень многое может измениться, зачем тебе муж – наемник? Я понимаю мотивы твоей матери, ее мечты всегда были связаны с богатством и властью. И поэтому тебя, твое будущее она хочет обустроить так, чтобы и самой в проигрыше не остаться. Но ты, Ивлина, можешь выбрать мужа из другого сословия.

Ивлина побледнела, сжала маленькие кулачки и закричала на отца:

– Ты никогда меня не понимал! Зачем ты забрал меня у матери? – из глаз девочки брызнули слезы, – Если я попросила за него, это значит, что этого хочу я! – и убежала. Мне стало жаль ее. Судя по всему, мать пытается втолковать ей свои мысли, а отец свои, она вечно между двух огней.

– Марок, а чем плох наемник? – задала я вопрос напрямую, – Не ты ли говорил, что ей о большем и мечтать нельзя?

– Через два года у нас может родиться наследник, и тогда она станет свободна. И даже то, что она наполовину является аристократкой, превозносит ее над таким сословием, как наемники.

– Это отдельное сословие? – я непонимающе уставилась на него. Разве это не профессия? И чем они занимаются?

– Наемниками становятся чуть ли не с детства. Как у вас танцовщицами. Существуют специальные школы. Наемники – это воины, хорошо обученные, сильные и получающие за свою работу большие деньги и славу.

– Но это же хорошо, – начала я.

– Нет. Не хорошо! – перебил меня Марок недовольно, потом вздохнул, пытаясь успокоиться и уже более сдержанным тоном продолжил, – Я пытаюсь заботиться о ней, Эва. И муж, который окружен поклонницами и вечно не бывающий дома, ей явно не нужен. Зачем ей быть вечно в тени мужа, когда она сможет узнать, что есть настоящая семья? Тем более, наемников очень часто убивают. Я не хочу, чтобы она стала молодой вдовой.

– У каждого своя судьба, Марок! – я решительно отказывалась понимать его доводы, хоть они и не лишены разумности, – Девочка выбрала его сама. Не поступай как тиран, дай ей самой сделать выбор!

– А я и есть тиран, если ты не заметила! – вспыхнул Марок, – О каком выборе ты говоришь? Через два года она захочет другого и что мне потакать каждой ее прихоти?

– Я не предлагаю потакать ее прихотям, – я тоже перешла на повышенный тон, – Я всего лишь пытаюсь сказать тебе, что у нее есть свое мнение, чувства и мысли! Попытайся ее понять!

– И ты туда же?!

Я развернулась и пошла, искать Ивлину. Дошло до смешного, что я так и не узнала, где находится моя комната. И кажется, это наша первая крупная ссора. И из-за кого? Из-за его дочери, которая судя по всему, терпеть меня не может! Хотя дело не в ней, а в упрямстве и тирании Марока.

Ивлину я нашла рыдающей возле Ламинока. Сказать, что меня это изумило – ничего не сказать. Странно видеть раболепствующего перед хозяином начальника охраны, успокаивающего простую рабыню. Но это хотя бы означало, что он не бесчувственный чурбан, помешанный только на приличиях и карьере.

– Надеюсь, ты не успел девочке нахамить, – прошипела я, срывая на нем свою злость. Ламинок тут же среагировал безудержной яростью во взгляде, но вопреки обыкновению

промолчал. Что ж такого ему сказал Марок в прошлый раз после отказа Совета, что тот предпочитает молчать?

– Ивлина, девочка, как ты?

– Уходите, вы мне не мать! – прокричала она сквозь рыдания.

Я аккуратно развернула ее к себе лицом и с нежностью на нее посмотрела. Бедный ребенок! Не удивительно, что она себя так ведет. С ее-то родителями.

– Конечно, не мать. И не пытаюсь ею стать. Я пришла, чтобы сказать тебе, что я только что поссорилась с твоим отцом из-за того, что он отказался прислушаться к тебе, – наткнулась на два удивленных взгляда – Ивлины и Ламинока.

– Я поговорила с ним и еще вернусь к этому разговору.

– Почему? – девочка уже успокоилась и хлюпала носом.

– Потому что считаю, что ты права, я постараюсь тебе помочь, – искренне произнесла я, и вдруг сама поняла, мне действительно жаль ее, а еще очень хочется увидеть, как она улыбается и услышать, как смеётся, вместо вечно недовольной мордашки.

– Тогда вам придется родить отцу наследника, – она все ещё недоверчиво кивнула.

– Два года большой срок, – повторила я слова Марока, – Но думаю, я управлюсь.

Девочка серьезно кивнула, посмотрела мне в глаза и сказала:

– А знаете, у меня никогда не было подруги.

Да эти ж ее мать! Что там за мамаша такая, что не удосужилась устроить дочери нормальное детство. У меня даже сердце защемило. Марок поступил верно, забрав ее к себе. И в праве ли я винить его за то, что он не умеет обходиться с детьми?

Ивлина окончательно успокоилась и убежала по направлению к кухне. Я улыбнулась и обратила внимание на Ламинока, столбом стоящего возле меня. На его лице явно происходила борьба чувств. Хочет мне поверить и не может?

– Чем я тебе так не угодила? – задумчиво спросила я его.

– Сама знаешь, – процедил он.

– В том то и дело, что не знаю, – вздохнула я и повернулась, чтобы уйти, но он неожиданно остановил меня, схватив за руку. На секунду посмотрела в его глаза и увидела там океан злости вперемешку... с болью?

– Я знаю таких как ты, красивых и алчных. От Марока тебе нужно только покровительство и деньги, ты не любишь его.

– Ты меня явно с кем-то путаешь, – усмехнулась я, – И если я настолько расчетлива, позволь спросить тебя, что мешало мне стать его наложницей, но остаться при этом свободной? Я бы и так получила все, что ты говорил.

– Я не знаю почему. Но обязательно узнаю это, – заключил он и, развернувшись, ушел.

Конструктивный диалог, ничего не скажешь. Но теперь я хотя бы знаю причину его нелюбви ко мне – Ламинок счи-

тает меня расчетливой охотницей за деньгами. А с Мароком нужно помириться. И, в конце концов, узнать, где находится моя комната. Я не умею долго злиться, отходчивая, да и в его словах был смысл.

В доме я его не нашла и вышла во двор. За домом, как оказалось, находился огромный участок, забитый разными сооружениями, дорожки были вымощены камнем. Туда-сюда сновал народ, прислуга, по всей видимости. Именно там я обнаружила Марока и своего шефа. Ему-то что здесь понадобилось?

– О, Эванжелина, – увидел меня Серж, – Ты как раз вовремя. Я сейчас уезжаю смотреть место твоего выступления, потом мне нужно будет обсудить с тобой время. С Мароком я уже поговорил, он сказал, что здесь ты будешь выступать днем. Даже не представляю, кто придет в это время суток, – он трещал как заведенный, а я встретила с глазами Марока. Сам он стоял напряженный и неприступный как скала, но глаза, когда он смотрел на меня, излучали тоску. Знаю, любимый, сама чувствую то же. Шеф махнул рукой, видя, что я уже не слушаю и ушел по направлению к дому. Я прибавила шаг и подошла к Мароку.

– Что здесь? – спросила я, указывая на большое сооружение, практически без окон, в три этажа и метров семь в длину.

– Дом рабов. Я сюда подселил лоткиранцев, здесь же будет доктор, пока они не оклемаются.

– Почему не в свой дом?

– Я не знаю, чего от них ожидать и с какими намереньями они ошивались возле Изибниса. Пока так, дальше посмотрим.

Я взяла его за руку.

– Марок, не сердись на меня. Мне плохо от нашей ссоры.

Он посмотрел на меня, чуть улыбнулся и сжал мою руку в своей ладони.

– Но мнения ты своего не изменила, – утвердительно сказал он, – Тебя не победить?

– Только разумными доводами, – ответила я.

Он рассмеялся и коснулся моего лица рукой, лаская щеку.

– Я это уже понял, моя революционерка, – в его глазах вспыхнул огонь, – Моя любимая революционерка.

Я счастливо улыбнулась и сжала его руку в своей руке. Ради таких моментов стоит пережить все трудности. Сзади меня неожиданно появился Ламинок, и я с неудовольствием вспомнила, что теперь он моя охрана, а значит – моя тень. Самое интересное, что мы оба не горели желанием видеть друг друга, и Марок это прекрасно понимал, но все же приставил его ко мне. Хоть убей, не понимаю мотивов, может все гораздо проще, и он сделал это только потому, что Ламинок лучший из его охраны.

– Звонила ваша мама, – сказал он Мароку, – И сказала, что ждет вас сегодня к себе на ужин.

Марок вздохнул, потер уставшее лицо рукой и с мольбой

посмотрел на меня.

– Эва, может, ты одна съездишь?

– Ты шутишь, что ли? – недоверчиво переспросила я, – Это твои родители.

– Она все равно хотела видеть тебя, и я даю тебе гарантию, что обо мне в этот вечер и не вспомнят. У вас очень много общего, на Земле она не была с момента моего рождения, поэтому поверь, она засыплет тебя вопросами.

Я, не мигая, смотрела на него. Конечно, в этом он прав, но как это смотрится? Я одна приеду к родителям жениха, которых и знаю-то заочно.

– Что-то случилось? – спросила я, не мог он, такой формалист, отправить меня одну.

Он еще раз вздохнул, посмотрел на меня серьезно и неожиданно потянул за собой. Ламинаок двинулся за нами. Мы обошли дом рабов, и вышли на открытую площадку, неподалеку стояло еще одно сооружение. Я присмотрелась и увидела там нечто напоминавшее наш наземный транспорт. Ага, значит это ангар. Мы прошли мимо и оказались возле небольшого домика. Марок приставил ладонь к планшету, почти такому же, как и у нас на Земле, сканер считал его отпечатки и дверь открылась. Домик был завален всяким хламом – тут были какие-то детали от звездолетов, куча непонятных мне предметов... Но когда я увидела это, у меня мурашки по всему телу пробежались. Отдельный стенд во всю стену занимало оружие, всех мастей, разной калиб-

ровки. Тут даже было наше земное оружие. Если это оружейный склад, то он чертовски плохо охраняется. Судя по всему, Марок прочел мое удивление по лицу.

– Посторонний сюда не войдет, – тут же ответил он, – Попробовать он, конечно, может, но только если захочет покончить жизнь самоубийством.

Я непонимающе уставилась на него.

– Даже если отрубить мне ладонь и притащить ее сюда, – при этих словах меня передернуло, – Анализ крови покажет, что моя кровь изменилась и система безопасности впрыснет в лицо противника яд, грабитель не проживет и пяти минут.

– Анализ крови?

Марок поднес к моему лицу руку, и я увидела маленькую ранку. Ну, ничего себе, система безопасности! Марок взял какое-то оружие и показал его мне. А мне хоть сабля, хоть меч, я одно от другого не отличу.

– Это оружие мы нашли на корабле лоткиранцев.

– И что, у них не может быть оружия? – непонимающе уставилась я.

– Эва, – терпеливо произнес он, – Это оружие запрещено в нашей галактике. Этим оружием пользуются только террористические организации.

Я открыла рот. Получается, что лоткиранцы – террористы, или что?

– Лоткиранцы утверждали, что на них напали изибнисцы. Выяснить, кому на самом деле принадлежало оружие прак-

тически невозможно. Поэтому, пока я не знаю, что происходит, я должен контролировать все сам. Неизвестно, кого я привез в свой дом.

Мы вышли из домика и Марок включил сигнализацию. Я была под впечатлением. Теперь понятно, почему он не захотел ехать к родителям.

– Пошли, позвоним твоим родителям и объясним, что не сможем приехать.

– Эва, об этом никто не должен знать.

Я кивнула и скосила глаза на Ламинока. Впрочем, ничего странного, что он доверяет начальнику своей охраны.

Но родителям мы все-таки позвонили.

– Здравствуй, мам, – сказал Марок, как только проектор соединил нас, – Сегодня никак не получится приехать, я буквально завален работой. Но если ты не против, Эва приедет к тебе одна.

– Ой, да с удовольствием! – искренне обрадовалась она, – Уж мы найдем, о чем поболтать, правда, Эва?

Я кивнула, чувствуя, что улыбка сама расплзлась от уха до уха. Нет, все-таки его мать потрясающая женщина! И самое интересное, что выглядит она немногим старше меня. Сколько же ей лет на самом деле?

Мы условились, что я буду у них через два часа, и меня очень обрадовала новость, что Ивлика там не будет, посидим чисто женским коллективом.

– Мне показалось или ты доволен тем, что не едешь к соб-

ственным родителям? – шутливо произнесла я.

Марок улыбнулся, совсем по-мальчишески, глядя на меня.

– Развеешься перед началом трудовых будней. Всё, иди, собирайся, – он чмокнул меня в губы, и мне тут же захотелось большего, поэтому я посмотрела на него со значением.

Долго ждать реакции мне не пришлось, глаза его тут же посинели, и он резко выдохнул.

– Эва... перестань.

Я вздохнула, отпустила его руку и пошла по направлению к дому. Ламинок за мной. Что ж, нужно что-то полезное выжать из его присутствия.

– Ламинок, а не знаешь, где моя комната?

– Идем, я покажу, – буркнул он и прибавил шаг.

– Ты едешь со мной, я так понимаю? – спросила я.

– К сожалению, да.

– А можно хотя бы сделать вид, что ты меня не ненавидишь! – выпалила я, начиная уже злиться. Он резко остановился, а я, вписавшись в него со всего разбегу, тут же отпрянула. Он посмотрел на меня и ответил серьезным тоном:

– Я не ненавижу тебя. Ты мила и очаровательна, но я считаю, что это притворство. Но этого слишком мало для ненависти.

– Что же мне сделать, что бы ты мне поверил? Нам, так или иначе, придется общаться, понимаешь?

На это он промолчал, а я не стала настаивать. В конце кон-

цов, время все покажет и расставит все точки над «и».

К Рине мы прибыли ровно через два часа, как и обещали. Она с улыбкой встретила меня, но, когда увидела Ламинока за моей спиной, улыбка ее немного угасла. Оказывается, не одна я его недолюбливаю. Нас ждал празднично накрытый стол, к моему изумлению, с земными блюдами. При виде него я поняла, насколько я голодна, хотя удивляться было нечему, если учесть, что на протяжении пяти дней я питалась исключительно бутербродами, уложенными моей матерью в термопакет.

– Ну, проходи, чего стоишь, облизываешься, – весело произнесла Рина.

– Спасибо. Честно говоря, я даже не ожидала, что вы...

– Ой, давай на «ты»! – прервала меня она, – А то я сразу чувствую свой возраст, – и улыбнулась.

– На самом деле, – продолжила она, как только мы уселись за стол, – Меня зовут Марина. Рина это уже производное, на Изибнисе в самый раз. А вот у тебя имя необычное для русской, – сказала она уже по-русски, и я открыла рот. Так не бывает! Она еще и русская!

– Ага, – довольно ухмыльнулась она моим мыслям, – Как мала вселенная, да?

– А какой город?

– Российск, – ответила она.

– Да, это же недалеко от моего города! – воскликнула я,

и мы засмеялись. Рина достала бутылку вина и весело мне подмигнула, – Ну, что, давай за знакомство?

– А нам от наших мужчин не попадет? – неуверенно начала я.

– Да, брось ты, – отмахнулась она, – Я в последний раз пила лет десять тому назад, и Ивлик на следующее утро носился со мной, как сумасшедший, не зная, что со мной делать, – закончила она со смехом.

– Знакомая картина, уже проходили, – улыбнулась я в ответ, – А они что совсем не пьянеют? – я покосилась на Ламинока, упрямо хранившего молчание, вроде не совсем удобно так при нем разговаривать, но Рина даже не обратила на это внимание.

– Почти никогда, – покачала она головой, – Пьют невесть что, хотя натуральный продукт.

Мы чокнулись по старой как мир традиции и выпили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.